

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

№ 1 / 2022

ISSN 2070-2 40

9 772070 2 4779 >

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

2022
№ 1

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи
и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-33090 от 11 сентября 2008 г.

Учрежден в 2004 г. Издается 6 раз в год

Учредитель: Издательская группа «ЮРИСТ» ISSN 2070-2140

Главный редактор журнала:

Могилевский Станислав Дмитриевич,
директор Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Заместитель главного редактора:

Лескова Юлия Геннадьевна,
заведующая кафедрой предпринимательского, трудового
и корпоративного права Института права и национальной
безопасности РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

Арсланов К.М., д.ю.н., доцент;
Барков А.В., д.ю.н., профессор;
Батлер Уильям, д.ю.н., профессор;
Блинков О.Е., д.ю.н., профессор;
Вайпан В.А., к.ю.н., доцент;
Витрянский В.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;
Габов А.В., д.ю.н., заслуженный юрист РФ,
член-корреспондент РАН;
Гонгало Б.М., д.ю.н., профессор;
Городов О.А., д.ю.н., профессор;
Ильина О.Ю., д.ю.н., профессор;
Камышанский В.П., д.ю.н., профессор;
Крашенинников П.В., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ;
Михайлова И.А., д.ю.н., профессор;
Попондопуло В.Ф., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ;
Рабец А.М., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ;
Романец Ю.В., д.ю.н.;
Рыженков А.Я., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки Республики Калмыкия;
Сергеев А.П., д.ю.н., профессор;
Ситдикова Л.Б., д.ю.н., профессор;
Суханов Е.А., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ;
Цимерман Ю.С., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РСФСР;
Эккенга Йенс, д.ю.н., профессор;
Шапсугова М.Д., к.ю.н., доцент

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ,
член-корреспондент РАО;

Заместители главного редактора ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Платонова О.Ф., Ренов Э.Н.,
Трунцевский Ю.В.

Центр редакционной подписки:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Редакция: Курукина Е.И., Лаптева Е.А.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Адрес редакции/издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел.: (495) 953-91-08. E-mail: avtor@lawinfo.ru

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Ванин В.В., Тихонов В.В. О значении правовых
признаков предпринимательской деятельности
для квалификации потребительских договоров 3

Тарасенко О.А. О возможности изменения
или отмены договора дарения 9

Бабаков В.А. Гражданское и энергетическое право:
соотношение принципов в контексте публичного
и частного интересов 13

Ганева Е.О. Некоторые вопросы ответственности
за неисполнение рамочного договора 16

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРПОРАТИВНОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Серова О.А. Технологические компании как элемент
предпринимательской экосистемы университетов 21

Самойлов И.А. «Власть капитала» и «власть договора»
в коммерческих корпорациях в «креативной»
экономике 24

Коваленко Ю.Н. Развитие альтернативных форм
проведения общих собраний собственников 30

Васютин В.А. Порядок использования технологии
искусственного интеллекта для снижения отдельных
видов предпринимательских рисков 34

Барков А.В., Завьялов М.М. Правовая синергия
государственно-частного партнерства и ЕРСМ-контракта
в нефтегазовой отрасли как фактор эффективного
пространственного развития территорий 37

АКТУАЛЬНОЕ МНЕНИЕ

Мохов А.А. Потенциал саморегулирования в области
обеспечения биологической безопасности 41

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (решение Президиума
Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19.02.2010 № 6/6)
(12.00.03; 12.00.07 — юридические науки)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
eLIBRARY.RU и в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Подписка по России:

Почта России. Электронный каталог — П1688.

Подписано в печать: 17.12.2021. Выход в свет: 13.01.2022.
Формат 60x90/8. Печать офсетная. Физ. печ. л. — 6,0. Усл. печ. л. — 6,0.
Общий тираж 3000 экз. Цена свободная

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2. Тел. (4842) 70-03-37

CIVIL LAW 2022

No. 1

FEDERAL SCIENCE-PRACTICE JOURNAL
Registered at the Federal Service for Supervision of Communications
and Mass Communications PI No. FC77-333090 September 11, 2008.

Founded in 2004. Published 6 times per year

Jurist Publishing Group ISSN 2070-2140

Editor in Chief:

Mogilevskij Stanislav Dmitrievich,

Director of the Institute of Law and National Security of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPA), LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editor in Chief:

Leskova Yuliya Gennad'evna,

Head of the Department of Business, Labor and Corporate Law
of the Institute of Law and National Security, LL.D., Professor

Editorial Board:

Arslanov K.M., LL.D., Associate Professor;

Barkov A.V., LL.D., Professor;

Butler W., LL.D., Professor;

Blinkov O.E., LL.D., Professor;

Vaypan V.A., PhD (Law), Associate Professor;

Vitryanskij V.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the RF;

Gabov A.V., LL.D., Honored Lawyer of the RF, Corresponding
Member of the Russian Academy of Science;

Gongalo B.M., LL.D., Professor;

Gorodov O.A., LL.D., Professor;

Il'ina O.Yu., LL.D., Professor;

Kamyshanskij V.P., LL.D., Professor;

Krashennnikov P.V., LL.D., Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation;

Mikhajlova I.A., LL.D., Professor;

Popondopulo V.F., LL.D., Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation;

Rabec A.M., LL.D., Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation;

Romanec Yu.V., LL.D.;

Ry'zhenkov A.Ya., LL.D., Professor, Honored Scientist
of the Republic of Kalmy'kia;

Sergeev A.P., LL.D., Professor;

Sitdikova L.B., LL.D., Professor;

Sukhanov E.A., LL.D., Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation;

Cimerman Yu.S., LL.D., Professor, Honored Lawyer
of the Russian Soviet Federal Socialist Republic;

Ekkenga J., LL.D., Professor;

Shapsugova M.D., PhD (Law), Associate Professor

Editor In Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., Professor, Honored Lawyer of the Russian
Federation, Corresponding Member of the Russian Academy
of Education

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., **Belykh V.S.**, **Platonova O.F.**, **Renov Eh.N.**,
Truncevskij Yu.V.

Editorial Subscription Centre: Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Editorial Office: **Kuruikina E.I.**, **Lapteva E.A.**

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Editorial office / publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.
Tel.: (495) 953-91-08. E-mail: avtor@lawinfo.ru

Contents

RELEVANT ISSUES OF CIVIL LAW

- V.V. Vanin, V.V. Tikhonov.** On the Meaning
of Legal Attributes of Entrepreneurial Activities
for the Qualification of Consumer Agreements 3
- O.A. Tarasenko.** On the Possibility of Amendment
or Cancellation of a Gift Agreement 9
- V.A. Babakov.** Civil and Energy Law: The Correlation
of Principles in the Scope of Public and Private Interests 13
- E.O. Ganeva.** Some Issues of Liability
for Non-Performance of a Framework Agreement 16

RELEVANT ISSUES OF CORPORATE AND ENTREPRENEURIAL LAW

- O.A. Serova.** Technology Companies as an Element
of the Entrepreneurial Ecosystem of Universities 21
- I.A. Samoylov.** The Power of Capital and the Power
of an Agreement in Commercial Corporations
in Creative Economy 24
- Yu.N. Kovalenko.** The Development of Alternative
Forms of General Meetings of Co-Owners 30
- V.A. Vasyutin.** The Use of the Artificial Intelligence
Technology to Mitigate Some Entrepreneurial Risk Types ... 34
- A.V. Barkov, M.M. Zavyalov.** Legal Synergy
of a Public-Private Partnership and an EPCM Contract
in the Oil and Gas Industry as a Factor of Efficient
Spatial Development of Territories 37

RELEVANT OPINION

- A.A. Mokhov.** The Potential of Self-Regulation
in Ensuring Biological Security 41

Included into the list of leading reviewed scientific journals and periodicals,
where basic scientific results of doctoral and PhD theses shall be published
(decision of the Presidium of the Supreme Attestation Commission of the Ministry
of Education and Science of Russia of 19.02.2010 № 6/6) (12.00.03; 12.00.07 — law sciences)

Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index

eLIBRARY.RU, RSCI (Web of Science)

Subscription in Russia:

Post of Russia. Digital Catalogue — П1688.

Passed for printing: 17.12.2021. Issue is printed: 13.01.2022.

Size 60x90/8. Offset printing. Printer's sheet — 6,0. Conventional printed sheet — 6,0.

General circulation 3000 copies. Free market price

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, Svetlaya St., Severnij Settlement, Kaluga, 248031. Tel. (4842) 70-03-37

О значении правовых признаков предпринимательской деятельности для квалификации потребительских договоров

Ванин Виталий Владимирович,

профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, старший научный сотрудник научно-экспертного центра Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент
vvy7@yandex.ru

Тихонов Владимир Владимирович,

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры гражданского процессуального права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук
tiho13@rambler.ru

Сущность лежащего в основе метода гражданского права принципа юридического равенства заключается в обеспечении подлинного равенства субъектов в возможностях участвовать в имущественном обороте своей волей и в своем интересе. Указанный принцип предопределяет существование ряда гражданско-правовых режимов, назначением которых является «выравнивание» объективно существующего дисбаланса между субъектами. К числу таких режимов относится договорный режим, получивший в юридической литературе название потребительского договора; данная правовая форма опосредует отношения между субъектами предпринимательской деятельности и потребителями-гражданами, приобретающими товары (работы, услуги) для удовлетворения личных (бытовых и т.п.) нужд. Подходы к критериям выделения данной договорной формы в юридической литературе принципиально не отличаются¹, ибо в их основе лежат закрепленные в преамбуле Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 11.06.2021) «О защите прав потребителей»² (далее — Закон о защите прав потребителей) признаки образующих предмет его правового регулирования общественных отношений; исходя из таких критериев от «бытовых сделок», также направленных на удовлетворение личных нужд, потребительский договор ограничивается по критерию участия в таком договоре субъекта предпринимательской деятельности³, что

обуславливает потребность в применении правовых средств, направленных на защиту потребителя как слабой стороны.

Выраженный в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»⁴ (далее — Постановление № 17) подход к субъектному составу отношений, регулируемых законодательством о защите прав потребителей, свидетельствует о том, что понятие субъекта предпринимательства для целей применения норм о потребительском договоре не ограничено коммерческими юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Так, согласно п. 7 указанного постановления таковым признается, к примеру, товарищество собственников жилья при возмездном оказании гражданам услуг (выполнении работ). Не исключается квалификация договора как потребительского и в случае участия в нем на стороне субъекта, продающего товары (оказывающего услуги, выполняющего работы) гражданина, не обладающего статусом индивидуального предпринимателя, что следует из п. 4 статьи 23 Гражданского кодекса РФ⁵; при этом в отличие от закрепленного в данной норме правила о возможности применения судом к гражданам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без регистрации, норм Гражданского кодекса РФ об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, Пленум Верховного Суда РФ указал на обязательное применение в таких случаях законодательства о защите прав потребителей⁶.

Очевидно, что при применении такого подхода квалификация договора в качестве потребительского

¹ См., например: Дашко А.В. Теоретико-прикладное моделирование договорных отношений с участием потребителей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2005. С. 8–9; Внуков Н.А. Договор потребительского кредита как вид потребительского договора // Право и экономика. 2011. № 4. С. 21–25; Астахова М.А. Потребительский договор: понятие и признаки // Юрист. 2015. № 16. С. 9–12.

² Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

³ См.: Кирпичев А.Е. Соотношение понятий «потребительский договор» и «обязательство, связанное с осуществлением предпринимательской деятельности»: проблемы теории и правоприменения // Мировой судья. 2014. № 1. С. 20–24.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 9.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁶ Пункт 12 Постановления № 17.

предполагает установление его субъектного состава не посредством формально-юридических признаков статуса лица (вид юридического лица, наличие государственной регистрации предпринимателя), а посредством признаков сущностных, характеризующих его деятельность как предпринимательскую.

Правовое понятие предпринимательской деятельности закреплено в п. 1 ст. 2 ГК РФ; совокупность закрепленных здесь признаков, таких как самостоятельность, рисковый характер, направленность на систематическое извлечение прибыли, традиционно рассматривается через призму критериев определения сферы применения созданного гражданским законодательством правового режима предпринимательской деятельности. Можно ожидать, что эти признаки должны использоваться и при установлении субъекта предпринимательской деятельности для целей квалификации потребительского договора. Между тем анализ судебной практики свидетельствует о необычном на первый взгляд правоприменительном явлении: во всех обнаруженных случаях, когда суды квалифицировали спорные отношения как «потребительские», во внимание принимались такие обстоятельства, как возмездность договора⁷, осуществление соответствующей деятельности в течение определенного периода времени⁸; в тех же делах, где суды обращались к прямо установленным в п. 1 ст. 2 ГК РФ признакам, результат чаще всего был отрицательный⁹. Оценка правильности каждого из указанных подходов предполагает определение значения каждого из указанных признаков для квалификации деятельности в качестве предпринимательской через призму тех задач, для решения которых предназначен правовой режим потребительского договора.

Самостоятельность предпринимателя есть проявление автономии его воли как субъекта гражданского права, а потому никакой гражданско-правовой специфики предпринимательской деятельности в указанном признаке нет, ибо приобретение и осуществление гражданских прав своей волей и в своем интересе, свобода субъектов в установлении своих прав и обязанностей есть общие начала гражданского законодательства, закрепленные в ст. 1 ГК РФ, одинаково действующие для всех субъектов гражданского права¹⁰. С учетом этого можно вполне

согласиться с мнением Н.Н. Надежина о том, что самостоятельность вообще не требует специального упоминания применительно к предпринимательской деятельности¹¹.

Представление о предпринимательской деятельности как рисковей уходит своими корнями в возникшую в XVIII в. экономическую теорию предпринимательства, в рамках которой французский экономист Р. Кантильон обосновал положение о риске как основной функциональной характеристике предпринимательства¹². Несомненно, предпринимательство носит вероятностный характер с точки зрения получения прибыли, а риск как опасность наступления или ненаступления события (совокупности событий), повлекшего неблагоприятные имущественные последствия для деятельности предпринимателя¹³, присущ предпринимательской деятельности, однако лежащие в основе предпринимательского риска факторы — объективные (влияние внешней среды) и субъективные (деловые просчеты)¹⁴ — на самом деле характерны для любой «имущественной» активности человека¹⁵. Вряд ли будет большим преувеличением утверждение о том, что риск имманентен человеческой деятельности в целом. Рисковым характером предпринимательской деятельности объясняется закрепленное в п. 3 ст. 401 ГК РФ общее правило об ответственности предпринимателя независимо от вины¹⁶, однако здесь речь идет об элементе гражданско-правового режима предпринимательской деятельности, но не раскрывающем ее сущностную, существующую вне права, характеристику признаку. Гражданский кодекс РФ содержит немало норм, определяющих возложение рисков на определенных субъектов безотносительно к предпринимательскому характеру

в отличие от предпринимателя, самостоятельностью не обладает, ибо выполняет трудовую функцию под контролем работодателя.

¹¹ Надежин Н.Н. Гражданско-правовое обеспечение предпринимательства в России. М.: Статут, 2019. С. 81.

¹² См.: Блауг М. Очерк Кантильона // Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.

¹³ См., например: Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. М.: Проспект, 2009. С. 46; Запорощенко В.А. Особенности регулирования алеаторных сделок в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 23–24.

¹⁴ См.: Николукин С.В. Купля-продажа товаров во внешне-торговом обороте: учеб. пособие. М.: Юстицинформ, 2010; Золотухин А.В. К вопросу о понятии и признаках предпринимательского риска // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 71–75.

¹⁵ Так, Д.И. Мейер совершенно справедливо указывал, что каждое обязательство сопровождается риском или страхом (Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. [по исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г.] / Д.И. Мейер. Переиздание. М.: Статут, Ч. 2. 1997. С. 151).

¹⁶ См., например: Власова А.С. Риск, ответственность и вина в предпринимательских отношениях // Безопасность бизнеса. 2012. № 1. С. 40. Показательно, что суды нередко вывод о безвиновной ответственности предпринимателей мотивируют одновременно п. 3 ст. 401 ГК РФ и предпринимательским риском. См., например: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22 мая 2018 г. № Ф08-2478/2018 по делу № А53-25583/2017; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 апреля 2019 г. № Ф05-3334/2019 по делу № А40-122638/2018; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 апреля 2017 г. № Ф01-355/2017 по делу № А43-7534/2016 и др. // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30 августа 2021 г. № 88-15337/2021 по делу № 2-28/2021. URL: <https://3kas.sudrf.ru/>

⁸ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 2 февраля 2021 г. № 88-1839/2021. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 7 апреля 2021 г. № 88-5574/2021. URL: <https://3kas.sudrf.ru/>

⁹ Так, в Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25 августа 2021 г. № 88-18644/2021 отказ в квалификации договора в качестве потребительского был обоснован тем, что истец не доказал осуществление ответчиком деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от выполняемого им вида работ. Аналогичный подход обнаружен в решении Всеволожского городского суда Ленинградской области от 18 декабря 2019 г. № 2-8510/2019-М-2871/2019.

¹⁰ Значение этого признака проявляется в плоскости разграничения разноотраслевых явлений; фактически данный признак необходим для проведения «водораздела» между сферами действия гражданского права и трудового права: работник,

деятельности (риск собственника (ст. 211 ГК РФ), покупателя (ст. 459 ГК РФ), арендатора в договоре лизинга (ст. 669 ГК РФ), сторон в договоре подряда (ст. 705 ГК РФ)), что подтверждает универсальность данной категории для входящих в предмет гражданского права имущественных отношений. По справедливому замечанию К.К. Лебедева, в данном случае речь идет не столько о самом рисковом характере предпринимательской деятельности, сколько о том, что предприниматель риск своей экономической неэффективности несет на себе¹⁷, однако ни риск, ни имущественная ответственность или банкротство не являются прерогативой, отличительной чертой правового режима предпринимательства¹⁸. Оригинальность закрепленного п. 3 ст. 401 ГК РФ правила о безвиновной ответственности предпринимателя «по сравнению не только с российской дореволюционной гражданско-правовой доктриной, но и с современным законодательством стран континентальной Европы»¹⁹ подтверждает справедливость утверждения А.А. Чукреева о том, что здесь мы имеем дело с политико-правовым решением, но не с сущностью предпринимательской деятельности²⁰. В самом Гражданском кодексе РФ обнаруживаются отступления от этого правила, в том числе применительно к обязательствам с участием потребителей: к примеру, виновной является ответственность энергоснабжающей организации по договору энергоснабжения за перерыв в подаче энергии (ст. 547 ГК РФ); ряд специальных правил, исключающих действие общего правила о безвиновной ответственности, предусмотрен нормами Гражданского кодекса РФ для перевозки. Обратим внимание на то, что сама норма п. 3 ст. 401 ГК РФ является диспозитивной, а потому этот риск может быть устранен, в том числе соглашением сторон, что было бы исключено при его (признака) сущностном характере.

Таким образом, в совокупности закрепленных Гражданским кодексом РФ признаков предпринимательской деятельности основная нагрузка в характеристике ее правового понятия ложится на признак направленности на систематическое получение прибыли. Между тем, закрепив данный признак предпринимательской деятельности, Гражданский кодекс РФ не определил понятие систематичности; данная проблема не преодолевается и посредством обращения к иным гражданско-правовым институтам, в которых применяется понятие систематичности, ибо ее общие критерии гражданское законодательство не содержит²¹.

¹⁷ Лебедев К.К. Предпринимательское и коммерческое право: системные аспекты (предпринимательское и коммерческое право в системе права и законодательства, системе юридических наук и учебных дисциплин). СПб., 2002. С. 77.

¹⁸ Чукреев А.А. К проблеме легального определения предпринимательской деятельности // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 110.

¹⁹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М., 1998. С. 609.

²⁰ Чукреев А.А. Указ. соч. С. 111.

²¹ См.: Копытин Д.А. Правовое регулирование рекламного рынка: предпринимательско-правовой аспект: монография. М., 2010; Российское предпринимательское право: учебник / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова, М., 2011 и др.

В юридической литературе систематичность предпринимательской деятельности предлагается рассматривать в двух значениях: как характеристику самой деятельности и как характеристику получения прибыли²². Судебная практика дает примеры квалификации предпринимательской деятельности через оба указанных признака²³, что вряд ли можно признать правильным для второго из них. Фактическое получение прибыли признаком предпринимательской деятельности не может являться в любом случае, поскольку присущий ей как любой экономической деятельности рисковый характер допускает отрицательный результат, который, по справедливому замечанию И.В. Ершовой, сам по себе никак не меняет характер предпринимательской деятельности²⁴. Более того, такой подход противоречит буквальному содержанию нормы абзаца третьего п. 1 ст. 2 ГК РФ, который говорит не о систематическом получении прибыли, а об направленности на такое ее получение, характеризуя, строго говоря, не деятельность как таковую, а ее субъективную, волевою составляющую. В литературе обращалось внимание на подмену легального понятия «направленность на систематическое получение прибыли» понятием «систематическое получение прибыли»²⁵, что, к примеру, становится актуальным в свете получившей в последнее время распространение практики сдачи предпринимателями «нулевых» деклараций; между тем отсутствие прибыли само по себе не означает отсутствия предпринимательской деятельности.

Систематичность самой деятельности Е.П. Губин, П.Г. Лахно обозначают термином «постоянство»²⁶. При таком подходе акцент смещается из плоскости субъективной (направленность) в плоскость объективную (деятельность), что в большей степени соответствует задачам правового регулирования. Гражданское право воспринимает такую деятельность через призму имущественного оборота, опосредуемого гражданско-правовыми (предпринимательскими, торговыми) договорами, а потому не случайно вопрос о систематичности в литературе рассматривается в том числе и с точки зрения количества совершаемых лицом договоров. Наблюдаемый в научной дискуссии диапазон мнений²⁷

²² Беляева О.А. Предпринимательское право: учеб. пособие / под ред. В.Б. Ляндреса, М., 2006. С. 1.

²³ См.: постановления Первого арбитражного апелляционного суда от 24 апреля 2014 г. по делу № А79-7517/2013, Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 октября 2013 г. по делу № А05-5212/2013, Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 апреля 2014 г. по делу № А48-2602/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ См.: Ершова И.В. Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практике // Lex Russica. 2014. № 2. С. 165.

²⁵ См.: Чорновол Е.П., Головизнин А.В. Нормативно-правовые, доктринальные и правоприменительные признаки предпринимательской деятельности // Право и экономика. 2016. № 1. С. 19.

²⁶ Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно, М., 2017. С. 31.

²⁷ Так, по мнению А.А. Чукреева, в качестве предпринимательской может быть квалифицирована деятельность, опосредуемая одной сделкой (Чукреев А.А. Указ. соч. С. 111); другие авторы высказывают противоположное суждение (см., например: Предпринимательское (хозяйственное) право / под ред. В.В. Лаптева, С.С. Занковского. М., 2006. С. 22).

позволяет утверждать, что характеристика систематичности только лишь через указанный фактор вряд ли будет достаточной, на что справедливо обращает внимание И.В. Ершова, используя для характеристики предпринимательской деятельности понятие промысла, осуществляемого на постоянной основе²⁸. Подобный подход можно считать традиционным для отечественной правовой науки: Г.Ф. Шершеневич определял промысел как постоянный вид деятельности, направленный на получение дохода²⁹. Осуществление определенной деятельности на постоянной основе неразрывно связано с ее профессиональным характером; ряд исследователей прямо обозначают профессионализм в качестве существенного признака предпринимательской деятельности³⁰. О.М. Олейник включает в понятие профессионализма предпринимателя наличие определенной квалификации или обладание информацией, необходимой для принятия и реализации решений³¹. Как представляется, именно эта характеристика предпринимательской деятельности является ключевой для применения правового режима потребительского договора, ибо дисбаланс, на устранение которого направлены образующие его содержание правовые средства, во многом обусловлен обладанием одной из сторон договора профессиональными знаниями, умениями и т.п. в отсутствие таковых у контрагента-потребителя. Сведущий всегда обладает преимуществом перед несведущим; задача права заключается в том, чтобы исключить злоупотребление таким преимуществом, а при совершении такового — справедливо устранить негативные последствия. В качестве правового средства решения этой задачи используется, к примеру, обязанность предпринимателя по преддоговорному раскрытию информации³²; ее исполнение обеспечивается различными санкциями, в том числе односторонним отказом потребителя от исполнения договора и ответственностью в форме взыскания убытков³³. Важно и другое: несведущее лицо, вступая в договорные отношения со сведущим, вправе полагаться на про-

фессиональные компетенции последнего и ожидать их использования при совершении образующих объект обязательства действий. Это оказывает очевидное влияние на разумные стандарты поведения каждой из сторон при заключении и исполнении потребительского договора, а также обуславливает применение известного набора правовых средств защиты потребителя (в том числе специальных), на которые последний вправе рассчитывать. Бесспорно то, что разумные ожидания добросовестного субъекта должны защищаться правом. Очевидно, что таковые создаются у потребителя в результате восприятия другой стороны в качестве субъекта, обладающего профессиональными компетенциями в соответствующей сфере деятельности. О наличии таковых, в частности, может свидетельствовать осуществление субъектом соответствующей деятельности на постоянной основе, в качестве промысла (систематичность деятельности); иные же признаки предпринимательской деятельности для формирования такого восприятия оказываются иррелевантными. Этот вывод позволяет объяснить приведенные выше позиции судов, положивших в основу квалификации договора как потребительского такие обстоятельства, как возмездность договора и осуществление субъектом соответствующей деятельности в течение определенного периода времени. Полагаем, что применение доктрины защиты разумных ожиданий позволит обеспечить дополнительную защиту потребителя и в тех случаях, когда объективные основания для квалификации деятельности продавца (подрядчика, исполнителя) в качестве предпринимательской отсутствуют, однако у потребителя в результате недобросовестного поведения контрагента формируется ложное восприятие его в качестве обладателя профессиональных компетенций. В судебной практике имеются примеры признания таких сделок недействительными по основаниям ст. 178 ГК РФ³⁴. Между тем применение к таким отношениям норм о потребительском договоре позволит потребителю использовать весь арсенал предусмотренных законодательством о защите прав потребителей правовых средств защиты, что обеспечит более эффективное восстановление нарушенных прав в случае ненадлежащего исполнения договора (к примеру, несвоевременного выполнения работ либо выполнения их с недостатками) в сравнении с последствиями признания такой сделки недействительной.

Литература

1. Астахова М.А. Потребительский договор: понятие и признаки / М.А. Астахова // Юрист. 2015. № 16. С. 9–12.
2. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография / В.С. Белых. Москва: Проспект, 2009. 432 с.
3. Беляева О.А. Предпринимательское право: учебное пособие / О.А. Беляева; под редакцией В.Б. Ляндреса. Москва: Контракт: ИНФРА-М, 2006. 271 с.

³⁴ См., например: Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2019 г. № 88-1519/2019. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo

²⁸ Ершова И.В. Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практики // Lex Russica. 2014. № 2. С. 164.

²⁹ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: в 2 т. М.: Статут, 2003. Т. 1. Введение. Торговые деятели. С. 142.

³⁰ См., например: Мартемьянов В.С. Хозяйственное право. Т. 1. М.: БЕК, 1994. С. 3; Российское предпринимательское право: учебник / Л.В. Андреева и др.; отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. 4-е изд. М.: Проспект, 2012. С. 25; Рубцова Н.В. К вопросу о стадиях механизма договорного правового регулирования // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 3 (44). С. 107–112; Рахманина Н.В. Предпринимательская деятельность финансовых организаций // Юрист. 2020. № 5. С. 27–33. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-5-27-33 (www.doi.org).

³¹ Олейник О.М. Понятие предпринимательской деятельности: теоретические проблемы формирования // Предпринимательское право. 2015. № 1. С. 3–17.

³² Данную обязанность в литературе традиционно рассматривают как правовое средство, направленное на защиту потребителя от «информационной асимметрии». См., например: Микони Т.С. Преддоговорная обязанность банка по раскрытию информации при заключении с потребителем договора об использовании платежной карты // Закон. 2017. № 4. С. 59–67.

³³ Статья 12 Закона о защите прав потребителей.

4. Блаут М. Экономическая мысль в ретроспективе : перевод с английского / М. Блаут. Москва : Академия народного хозяйства ; Дело, 1994. 687 с.
5. Брагинский М.И. Договорное право: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. Москва : Статут, 1998. 681 с.
6. Власова А.С. Риск, ответственность и вина в предпринимательских отношениях / А.С. Власова // Безопасность бизнеса. 2012. № 1. С. 36–40.
7. Внуков Н.А. Договор потребительского кредита как вид потребительского договора / Н.А. Внуков // Право и экономика. 2011. № 4. С. 21–25.
8. Дашко А.В. Теоретико-прикладное моделирование договорных отношений с участием потребителей : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.В. Дашко. Москва, 2005. 24 с.
9. Ершова И.В. Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практике / И.В. Ершова // Lex Russica (Русский закон). 2014. № 2. С. 160–167. DOI: 10.7256/1729-5920.2014.2.9310.
10. Запорощенко В.А. Особенности регулирования алеаторных сделок в Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / В.А. Запорощенко. Екатеринбург, 2006. 20 с.
11. Золотухин А.В. К вопросу о понятии и признаках предпринимательского риска / А.В. Золотухин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 71–74.
12. Кирпичев А.Е. Соотношение понятий «потребительский договор» и «обязательство, связанное с осуществлением предпринимательской деятельности»: проблемы теории и правоприменения / А.Е. Кирпичев // Мировой судья. 2014. № 1. С. 20–24.
13. Копытин Д.А. Правовое регулирование рекламного рынка: предпринимательско-правовой аспект : монография / Д.А. Копытин. Москва : Волтерс Клувер, 2010. 178 с.
14. Лебедев К.К. Предпринимательское и коммерческое право: системные аспекты (предпринимательское и коммерческое право в системе права и законодательства, системе юридических наук и учебных дисциплин) / К.К. Лебедев. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. 318 с.
15. Мартемьянов В.С. Хозяйственное право. Т. 1 : курс лекций / В.С. Мартемьянов. Москва : БЕК, 1994. 312 с.
16. Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2 частях. Ч. 2 (по исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г.) / Д.И. Мейер. Переиздание. Москва : Статут, 1997. 449 с.
17. Микони Т.С. Преддоговорная обязанность банка по раскрытию информации при заключении с потребителем договора об использовании платежной карты / Т.С. Микони // Закон. 2017. № 4. С. 59–67.
18. Надежин Н.Н. Гражданско-правовое обеспечение предпринимательства в России / Н.Н. Надежин. Москва : Статут, 2019. 144 с.
19. Николюкин С.В. Купля-продажа товаров во внешнеторговом обороте : учебное пособие / С.В. Николюкин. Москва : Юстицинформ, 2010. 199 с.
20. Олейник О.М. Понятие предпринимательской деятельности: теоретические проблемы формирования / О.М. Олейник // Предпринимательское право. 2015. № 1. С. 3–17.
21. Предпринимательское (хозяйственное) право : учебник / под редакцией В.В. Лаптева, С.С. Занковского. Москва : Волтерс Клувер, 2006. 538 с.
22. Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / ответственные редакторы Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. 992 с.
23. Рахманина Н.В. Предпринимательская деятельность финансовых организаций / Н.В. Рахманина // Юрист. 2020. № 5. С. 27–33. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-5-27-33.
24. Российское предпринимательское право : учебник / Л.В. Андреева [и др.] ; ответственные редакторы И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. 4-е изд. Москва : Проспект, 2012. 803 с.
25. Рубцова Н.В. К вопросу о стадиях механизма договорного правового регулирования / Н.В. Рубцова // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 3 (44). С. 107–112.
26. Чорновол Е.П. Нормативно-правовые, доктринальные и правоприменительные признаки предпринимательской деятельности / Е.П. Чорновол, А.В. Головизнин // Право и экономика. 2016. № 1. С. 16–22.
27. Чукреев А.А. К проблеме легального определения предпринимательской деятельности / А.А. Чукреев // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 105–120.
28. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 2 томах. Т. 1. Введение. Торговые деятели / Г.Ф. Шершеневич. Москва : Статут, 2003. 480 с.

References

1. Astakhova M.A. Potrebiteľskij dogovor: ponyatie i priznaki [Consumer Agreement: The Concept and Attributes] / M.A. Astakhova // Yurist — Lawyer. 2015. № 16. S. 9–12.
2. Belykh V.S. Pravovoe regulirovanie predprinimatelskoy deyatel'nosti v Rossii : monografiya [The Legal Regulation of Entrepreneurial Activities in Russia : monograph] / V.S. Belykh. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2009. 432 s.
3. Belyaeva O.A. Predprinimatelskoe pravo : uchebnoe posobie [Entrepreneurial Law : textbook] / O.A. Belyaeva ; pod redaktsiyey V.V. Lyandresa — edited by V.V. Lyandres. Moskva : Kontrakt: INFRA-M — Moscow : Contract: INFRA-M, 2006. 271 s.
4. Blaug M. Ekonomicheskaya my'sl v retrospektive : perevod s angliyskogo [Economic Theory in Retrospect : translation from English] / M. Blaug. Moskva : Akademiya narodnogo khozyaystva ; Delo — Moscow : Academy of National Economy ; Business, 1994. 687 s.
5. Braginsky M.I. Dogovornoe pravo: Obschie polozheniya [Contractual Law: General Provisions] / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 1998. 681 s.
6. Vlasova A.S. Risk, otvetstvennost i vina v predprinimatelskikh otnosheniyakh [Risk, Liability and Guilt in Entrepreneurial Relations] / A.S. Vlasova // Bezopasnost biznesa — Business Security. 2012. № 1. S. 36–40.

7. Vnukov N.A. Dogovor potrebitelskogo kredita kak vid potrebitelskogo dogovora [Consumer Loan Agreement as a Consumer Agreement Type] / N.A. Vnukov // Pravo i ekonomika — Law and Economics. 2011. № 4. S. 21–25.
8. Dashko A.V. Teoretiko-prikladnoe modelirovanie dogovorny'kh otnosheniy s uchastiem potrebiteley : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Theoretical and Applied Modeling of Contractual Relations Involving Consumers : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / A.V. Dashko. Moskva — Moscow, 2005. 24 s.
9. Ershova I.V. Ponyatie predprinimatelskoy deyatel'nosti v teorii i sudebnoy praktike [The Concept of Entrepreneurial Activities in Theory and the Judicial Practice] / I.V. Ershova // Lex Russica (Russkiy zakon) — Russian Law. 2014. № 2. S. 160–167. DOI: 10.7256/1729-5920.2014.2.9310.
10. Zaporoschenko V.A. Osobennosti regulirovaniya aleatorny'kh sdelok v Rossiyskoy Federatsii : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Peculiarities of the Regulation of Aleatory Transactions in the Russian Federation : thesis of PhD (Law)] / V.A. Zaporoschenko. Ekaterinburg — Ekaterinburg, 2006. 20 s.
11. Zolotukhin A.V. K voprosu o ponyatii i priznakakh predprinimatelskogo riska [On the Concept and Attributes of Entrepreneurial Risk] / A.V. Zolotukhin // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki — Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2015. № 2. S. 71–74.
12. Kirpichev A.E. Sootnoshenie ponyatii «potrebitelskiy dogovor» i «obyazatel'stvo, svyazannoye s osuschestvleniem predprinimatelskoy deyatel'nosti»: problemy teorii i pravoprimereniya [The Correlation between the Concepts of “Consumer Agreement” and “Obligation Arising out of Performance of Entrepreneurial Activities”: Problems of the Theory and Law Enforcement] / A.E. Kirpichev // Mirovoy sudya — Justice of the Peace. 2014. № 1. S. 20–24.
13. Kopytin D.A. Pravovoe regulirovanie reklamnogo ry'nka: predprinimatel'sko-pravovoy aspekt : monografiya [The Legal Regulation of the Advertising Market: The Entrepreneurial Legal Aspect : monograph] / D.A. Kopytin. Moskva : Wolters Kluwer — Moscow : Wolters Kluwer, 2010. 178 s.
14. Lebedev K.K. Predprinimatel'skoe i kommercheskoe pravo: sistemny'e aspekty' (predprinimatel'skoe i kommercheskoe pravo v sisteme prava i zakonodatel'stva, sisteme yuridicheskikh nauk i uchebny'kh distsiplin) [Entrepreneurial and Commercial Law: Systemic Aspects (Entrepreneurial and Commercial Law in the System of Law and Legislation, System of Legal Sciences and Academic Disciplines)] / K.K. Lebedev. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2002. 318 s.
15. Martemyanov V.S. Khozyaystvennoye pravo. T. 1 : kurs lektsiy [Commercial Law. Vol. 1 : course of lectures] / V.S. Martemyanov. Moskva : BEK — Moscow : BEK, 1994. 312 s.
16. Meyer D.I. Russkoye grazhdanskoye pravo. V 2 chastyakh. Ch. 2 (po ispravlennomu i dopolnennomu 8-mu izdaniyu, 1902 g.) [Russian Civil Law. In 2 parts. Part 2 (based on the 8th revised and enlarged edition of 1902)] / D.I. Meyer. Pereizdanie. Moskva : Statut — Reissue. Moscow : Statute, 1997. 449 s.
17. Mikoni T.S. Preddogovornaya obyazannost banka po raskry'tiyu informatsii pri zaklyuchenii s potrebitel'ny'm dogovorom ob ispolzovanii plat'ezhnoy karty' [The Bank's Pre-Contractual Obligation to Disclose Information in Conclusion of a Payment Card Agreement with a Consumer] / T.S. Mikoni // Zakon — Law. 2017. № 4. S. 59–67.
18. Nadezhin N.N. Grazhdansko-pravovoye obespechenie predprinimatel'stva v Rossii [Civil Law Support of Entrepreneurship in Russia] / N.N. Nadezhin. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2019. 144 s.
19. Nikolyukin S.V. Kuplya-prodazha tovarov vo vneshnetorgovom oborote : uchebnoye posobie [Purchase and Sale of Goods in Foreign Trade Turnover : textbook] / S.V. Nikolyukin. Moskva : Yustitsinform — Moscow : Justice Inform, 2010. 199 s.
20. Oleynik O.M. Ponyatie predprinimatelskoy deyatel'nosti: teoreticheskie problemy' formirovaniya [The Concept of Entrepreneurial Activities: Theoretical Problems of the Establishment] / O.M. Oleynik // Predprinimatel'skoye pravo — Entrepreneurial Law. 2015. № 1. S. 3–17.
21. Predprinimatel'skoye (khozyaystvennoye) pravo : uchebnyy [Entrepreneurial (Commercial) Law : textbook] / pod redaktsiyey V.V. Lapteva, S.S. Zankovskogo — edited by V.V. Laptev, S.S. Zankovsky. Moskva : Wolters Kluwer — Moscow : Wolters Kluwer, 2006. 538 s.
22. Predprinimatel'skoye pravo Rossiyskoy Federatsii : uchebnyy [Entrepreneurial Law of the Russian Federation : textbook] / otvetstvenny'e redaktory' E.P. Gubin, P.G. Lakhno. 3-e izd., pererab. i dop. — publishing editors E.P. Gubin, P.G. Lakhno. 3rd edition, revised and enlarged. Moskva : Norma: INFRA-M — Moscow : Norm: INFRA-M, 2017. 992 s.
23. Rakhmanina N.V. Predprinimatel'skaya deyatel'nost' finansovy'kh organizatsiy [Entrepreneurial Activities of Financial Institutions] / N.V. Rakhmanina // Yurist — Lawyer. 2020. № 5. S. 27–33. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-5-27-33.
24. Rossiyskoye predprinimatel'skoye pravo : uchebnyy [Russian Entrepreneurial Law : textbook] / L.V. Andreeva [i dr.] ; otvetstvenny'e redaktory' I.V. Ershova, G.D. Otnyukova. 4-e izd. — L.V. Andreeva [et al.] ; publishing editors I.V. Ershova, G.D. Otnyukova. 4th edition. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2012. 803 s.
25. Rubtsova N.V. K voprosu o stadiyakh mekhanizma dogovornogo pravovogo regulirovaniya [On the Stages of the Contractual Legal Regulation Mechanism] / N.V. Rubtsova // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo — Bulletin of the Omsk University. Series: Law. 2015. № 3 (44). S. 107–112.
26. Chornovol E.P. Normativno-pravovy'e, doktrinalny'e i pravoprimeritelny'e priznaki predprinimatel'skoy deyatel'nosti [Regulatory, Doctrinal and Law Enforcement Attributes of Entrepreneurial Activities] / E.P. Chornovol, A.V. Goloviznin // Pravo i ekonomika — Law and Economics. 2016. № 1. S. 16–22.
27. Chukreev A.A. K probleme legal'nogo opredeleniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti [On the Legal Definition of Entrepreneurial Activities] / A.A. Chukreev // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal — Russian Legal Journal. 2015. № 2. S. 105–120.
28. Shershenevich G.F. Kurs torgovogo prava. V 2 tomakh. T. 1. Vvedenie. Torgovy'e deyateli [A Course of Trade Law. In 2 volumes. Vol. 1. Introduction. Trade Agents] / G.F. Shershenevich. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2003. 480 s.

О возможности изменения или отмены договора дарения

Тарасенко Ольга Александровна,
 профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права
 Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
 доктор юридических наук, доцент
 olga201175@gmail.com

Заключая договор дарения, стороны, как правило, руководствуются предположением, что данная сделка призвана удовлетворить их чаяния и ее исполнением будет поставлена окончательная точка по волнующему их вопросу. Однако в последующем могут возникнуть обстоятельства, которые поставят их перед необходимостью изменить или даже отменить заключенный ранее договор дарения. Вопрос о том, можно ли это сделать и если да, то каким образом, крайне скудно освещается в доктрине. Имеющиеся работы классиков отечественной цивилистики, ссылки, на которые есть в тексте настоящей статьи, сконцентрированы на договорном регулировании в целом, соответственно, анализ частного случая изменения или отмены договора дарения не мог ставиться в них во главу угла. Больше внимание этой проблеме уделено в судебной практике, в том числе и зарубежной. В этой связи представляется важным, отталкиваясь от результатов имеющихся исследований и опираясь на практику, предложить новые подходы к формированию теории и практики применения законодательства в рассматриваемой сфере отношений¹.

Итак, начнем с вопроса о праве *сторон договора дарения вносить в него изменения после фактической передачи предмета дарения* как наиболее распространенной ситуации.

В соответствии с п. 1 ст. 572 ГК РФ «по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом».

Прочитанная норма позволяет заключить, что законодатель демонстрирует нам отношение к договору не как к односторонней сделке, а именно как к договору. Как отмечает Е. Суханов, дарение является договором, а не односторонней сделкой, так как всегда *требует согласия одаряемого*².

В.А. Белов аргументирует, что, несмотря на то что договор дарения носит односторонне-обязывающий характер, *изменение указанного вида со-*

глашения происходит на основании общих норм, предусмотренных главой 29 ГК РФ³.

В связи с этим если иное не предусмотрено специальными правилами о договоре дарения, то он подчиняется общим положениям обязательственного права.

На основании ст. 450 ГК РФ *по соглашению сторон* допускается *изменение и расторжение любого договора (в том числе договора дарения)*, если иное не предусмотрено Гражданским кодексом РФ, другими законами и договором дарения.

Анализ главы 32 ГК РФ «Дарение» позволяет говорить о том, что она *не содержит специальных норм, ограничивающих возможность изменения или расторжения данного договора по соглашению сторон*. Таким образом, следует заключить, что, хотя регламентация внесения изменений или расторжения договора дарения не осуществляется в главе 32 ГК РФ, было бы неверным предполагать наличие запрета или ограничений на осуществление подобных сделок, поскольку, напротив, в этом случае действует общий принцип свободы договора.

В договорной практике, известной автору исследования, обычно не содержатся условия, *запрещающие его изменение или расторжение*. Более того, обычно нотариальная форма такого договора предусматривает пункт о том, что *изменения и дополнения к договору возможны*, единственным ограничением является необходимость их нотариального удостоверения, что следует из ст. 452 ГК РФ, закрепляющей, что соглашение об изменении или расторжении договора совершается в той же форме, что и договор если из закона, иных правовых актов, договора или обычаев не вытекает иное. В связи с этим стороны договора дарения, апеллируя к этому пункту, предпринимают попытки внести изменения в ранее заключенный между ними договор дарения, к примеру уменьшить дар. Однако стереотип бытового взгляда на этот вопрос, заключенный в выражении «дареное назад не просят», настолько силен, что проникает в правоотношения, препятствуя сторонам договора реализовывать свои права.

В силу ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (ст. 422 ГК РФ).

¹ Данный вопрос исследуется автором в развитие предшествующих работ о конструкции договора дарения. См.: Тарасенко О.А. О возможности признания договора дарения незаключенным: вопросы теории и практики // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 19–24.

² Российское гражданское право : в 2 т. Т. 2. Обязательственное право : учебник. 2-е изд., стереотип. / отв. ред. Е.А. Суханов. Статут, 2011.

³ Белов В.А. Жилое помещение и обязательственные отношения : монография. М. : Юстицинформ, 2018. 160 с.

По смыслу п. 1 ст. 450 ГК РФ допускается изменение условий договора или его расторжение по соглашению сторон.

Серьезной теоретико-практической проблемой здесь может явиться вопрос о зависимости возможности изменения или расторжения договора дарения от фактической передачи предмета дарения. Однако *из специальных норм о договоре дарения прямо следует, что такая зависимость имеет место лишь при одностороннем отказе от исполнения договора* (право одаряемого на односторонний отказ от дара до его передачи — п. 1 ст. 573 ГК РФ; право дарителя на односторонний отказ от исполнения договора обещания дарения — ст. 577 ГК РФ). Кроме этого, законодатель специально «выговаривает» для дарителя несколько условий, при которых договор дарения может быть им отменен в одностороннем порядке и после фактической передачи дара (ст. 578 ГК РФ). При этом исходя из общих начал гражданского законодательства (ст. 450 ГК РФ) *по соглашению сторон изменение условий договора дарения и его расторжение возможно как до, так и после передачи дара одаряемому.*

Такая конструкция логически обоснована: стороны договора дарения в любом случае по взаимному соглашению имеют возможность заключить новый договор дарения, где «одаряемый» по первоначальному договору станет «дарителем» по второму и вернет подарок или его часть. Однако *de facto* второй договор дарения будет не чем иным, как изменением или расторжением первоначального договора дарения. В связи с этим трактовка законодательства о невозможности изменения или расторжения договора дарения по взаимному соглашению сторон после передачи дара является не только неверной, но и лишена смысла. Однако, не будет лишним упомянуть о том, что изменить или расторгнуть договор дарения может быть более выгодным для участников сделки в финансовом аспекте, принимая во внимание необходимость уплаты налога на дарение. Кроме того, возможен и переезд одной из сторон договора в страну, юрисдикция которой характеризуется повышенным по сравнению с Российской Федерацией налоговым бременем. В то же время по требованию одной из сторон изменить или расторгнуть договор дарения или заключить обратный договор дарения после передачи дара не представляется возможным.

Обоснованность утверждения о том, что по соглашению сторон договор дарения может быть изменен либо расторгнут после фактической передачи дара, подтверждается материалами судебной практики. В частности, подобная ситуация изложена в *Решении Пограничного районного суда (Приморский край) № 2-87/2015 2-87/2015-М-85/2015 М-85/2015 от 6 февраля 2015 г. по делу № 2-87/2015. Фабула дела состояла в следующем: истцы указали, что между ними был заключен договор дарения части жилого дома, который был зарегистрирован в Управлении Росреестра. Впоследствии ими было принято Соглашение о расторжении договора дарения, но в его регистрации сторонам было отказано, так как договор дарения прекратил свое действие при выполнении их обязательств по дарению, а регистрация такого со-*

глашения возможна лишь в период действия договора а не после его исполнения. С доводами регистратор истцы не согласились, так как в данном случае должны применяться другие нормы законодательства в соответствии с п. 1 ст. 450 ГК РФ расторжению договора возможно по соглашению сторон, если иное не предусмотрено другими законами или договором. Пунктом 6.1 договора дарения сторонами предусмотрена возможность расторжения договора дарения по соглашению сторон.

Исследовав материала дела, суд пришел к следующему выводу. Согласно ч. 1, ч. 2 ст. 209 ГК РФ, собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Собственнику вправе совершать в отношении принадлежащего ему имущества по своему усмотрению любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц. В соответствии с ч. 1 ст. 450 ГК РФ изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, другими законами или договором. Согласно ч. 1 ст. 452 ГК РФ, соглашение об изменении или о расторжении договора совершается в той же форме, что и договор, если из закона, иных правовых актов, договора или обычаев делового оборота не вытекает иное.

Таким образом, поскольку сторонами в п. 6.1 договора дарения предусмотрена возможность расторжения договора дарения по соглашению сторон, стороны заключили Соглашение о расторжении указанного договора и изъявили желание зарегистрировать его в Росреестре. Указанное соглашение не нарушает нормы законодательства и чьи-либо права и интересы. Росреестр должен выполнить свою обязанность по регистрации данного Соглашения, отказ в регистрации соглашения сторон о расторжении договора дарения не обоснован.

Кроме этого, договор дарения может быть *изменен или расторгнут* также на основании ст. 45 ГК РФ *в связи с существенным изменением обстоятельств* (также вне зависимости от фактической передачи дара одаряемому). Гражданский кодекс РФ допускает лишь два основания для неприменения этой нормы: если иное не вытекает из его существа или не предусмотрено договором.

При этом изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях. В этом случае стороны *должны привести договор* в соответствии с существенно изменившимися обстоятельствами или он может быть расторгнут судом по требованию любой из сторон договора.

Что же касается *существования договора дарения* в принципе, то оно не свидетельствует о том, что к этому виду договора не могут быть применены нормы о существенном изменении обстоятельств. Конечно это подтверждает тот факт, что законодатель перечисляет факты, которые служат основанием отмены договора дарения, некоторые из которых как раз и представляют собой разновидности существенного изменения обстоятельств.

Преломление теории существенного изменения обстоятельств через призму договора дарения, до настоящего времени не находило концептуального освещения в российской доктрине, хотя такие первые шаги в этом направлении уже наметились. В связи с этим с точки зрения лучшего понимания правовых идей, заложенных в ст. 451 ГК РФ, резонно обратиться к теории и практике применения немецкого гражданского законодательства, поскольку из всего иностранного законодательства именно оно наиболее близко российскому.

В частности, в Решении Верховного суда Германии от 18 июня 2019 г. по делу X ZR 107/16 лапидарно излагаются основы теории существенного изменения обстоятельств. Ее суть заключается в том, что стороны при заключении договора исходят из наличия определенных обстоятельств, которые служат причиной его заключения, не являясь при этом непосредственным содержанием договора. Такие обстоятельства стороны рассматривают как само собой разумеющееся положение дел, что и служит оправданием заключения и исполнения ими договора. Для определения обстоятельств в качестве основания сделки не требуется, чтобы обе стороны ориентировались на них. Достаточно, чтобы хотя бы одна сторона исходила из таких обстоятельств как причины для заключения договора, а вторая осознавала ее мотивы.

Договор дарения по общему правилу считается исполненным с передачей дара, что отличает его от классических синаллагматических договоров, основанных на обмене. На первый взгляд к нему малоприменима доктрина существенного изменения обстоятельств, в отличие от длящихся двусторонне-обязывающих договоров, являющихся основной сферой применения данной теории. Однако эта теория в равной степени применима к и договору дарения, имеющему свои основания, которые впоследствии могут измениться или отпасть, что может обосновывать право стороны на изменение или расторжение договора.

Основная правовая идея теории существенного изменения обстоятельств проистекает из принципа добросовестности и сконцентрирована на недопущении случаев неприемлемости для сторон отношения результатов применения норм строгого права по причине того, что заключенная стороной сделка может в силу внешних обстоятельств через какое-то время оказаться для нее совсем не тем, из чего она исходила в момент заключения. Соответственно, право не должно оставлять сторону договора в подобной неприемлемой для нее ситуации. В таком случае должно делаться исключение из принципа *pacta sunt servanda*⁴: договор дарения должен быть адаптирован к изменившимся обстоятельствам по взаимному соглашению сторон или посредством реализации одной из сторон права требовать его расторжения в судебном порядке.

Обратим внимание на юридическую практику. В частности, на одном из крупнейших в России порталах, представляющем консультации по дого-

вору дарения и правовое сопровождение подобных сделок: darstvennaya.ru в разделе «Расторжение договора дарения по соглашению сторон» указывается, что если стороны совместно приняли решение об аннулировании дарственной, то они составляют соглашение о расторжении договора, в котором фиксируются его дата и место заключения; данные дарителя и одаряемого, номер, дата место заключения расторгаемого договора дарения; предмет, который был подарен; а также порядок распределения расходов, связанных с заключением соглашения о расторжении договора дарения. Если дарственная была удостоверена нотариусом, то соглашение о расторжении также подлежит нотариальному заверению⁵.

Прочитанное свидетельствует о том, что специалисты широко пользуются возможностями ст. 450 ГК РФ в отношении изменений и расторжения договора дарения по обоюдному согласию сторон вне зависимости от фактической передачи вещи.

По второму проблемному вопросу: **вправе ли стороны отменить дарение** по своему соглашению (как полностью, так и в части), можно указать следующее.

Возможность **отмены дарения**, предоставленная дарителю и его наследникам, является отличительной чертой договора дарения. Это своеобразие характерно как исполненным дарителем договорам обещания дарения, так и договорам, совершаемым путем передачи дара одаряемому. Речь идет о таких случаях, когда консенсуальный договор дарения прекратился в силу его надлежащего исполнения либо когда реальный договор дарения состоялся как юридический факт, т.е. дар уже передан одаряемому, и вследствие этого он стал обладателем соответствующего права.

Отмена дарения регламентируется ст. 577, 578 и 579 ГК РФ. Даритель в соответствии со ст. 578 ГК РФ вправе отменить дарение, если одаряемый совершил покушение на его жизнь, жизнь кого-либо из членов его семьи или близких родственников либо умышленно причинил дарителю телесные повреждения. По этому же основанию даритель вправе отказаться от исполнения договора обещания дарения (п. 2 ст. 577 ГК РФ). Также в договоре дарения может быть обусловлено право дарителя отменить дарение в случае, если он переживет одаряемого. При этом закон предусматривает возможность для дарителя отменить такое дарение без судебного решения только на основании факта смерти одаряемого при наличии в договоре дарения соответствующего условия.

В судебном порядке можно отменить дарение в случаях, если обращение одаряемого с подаренной вещью, представляющей для дарителя большую неимущественную ценность, создает угрозу ее безвозвратной утраты. Кроме этого, по требованию заинтересованного лица суд может отменить дарение, совершенное индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом в нарушение положений банкротного законодательства за счет средств, связанных с его предпринимательской деятельностью, в течение шести месяцев, предшествующих объявлению такого лица несостоятельным (банкротом). При этом правила об отказе от исполнения договора

⁴ Нам К.В. Существенное изменение обстоятельств и договор дарения. Решение Верховного суда Германии от 18.06.2019 по делу X ZR 107/16 и комментарий к нему // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 6. С. 35–47.

⁵ URL: <http://darstvennaja.ru/rastorzhenie-dogovora-darenija/> (дата обращения: 17.11.2021).

дарения (ст. 577 ГК РФ) и об отмене дарения (ст. 578 ГК РФ) не применяются к подаркам небольшой стоимости.

Статья 578 ГК РФ изложена закрытым образом, что, разумеется, не могло не поставить перед правоприменителем вопрос: возможно ли по соглашению сторон включать в договор иные, не поименованные в Гражданском кодексе РФ условия, позволяющие *отменить дарение*.

Представляется, что определение законом оснований, по которым допускается отмена дарения (п. 2 ст. 577, ст. 578 ГК РФ), не исключает возможности *заключения договора дарения под иным отменительным условием*. К этому заключению приводит сравнительный анализ соотношения норм о сделках, совершенных под отменительным условием (ст. 157 ГК РФ); об основаниях прекращения обязательств (ст. 407 ГК РФ), а также об отказе дарителя от исполнения договора дарения и об отмене дарения (ст. 577, 578 ГК РФ).

Как справедливо указывает известный цивилист В.В. Витрянский, в данном случае следует говорить о различных, не коррелирующих между собой основаниях прекращения обязательств, поскольку нормы об отказе дарителя от исполнения договора дарения не должны расцениваться в качестве *lex specialis*, отменяющих в полном объеме действие общих положений о прекращении обязательства по основаниям, предусмотренным договором (п. 1 ст. 407 ГК РФ), и, следовательно, о сделке под отменительным условием (ст. 157 ГК РФ). Корреспондирующим положением по отношению к ст. 577 ГК РФ является ст. 310 ГК РФ, допускающая возможность одностороннего прекращения обязательств в случаях, установленных законом: именно о таких случаях одностороннего прекращения дарителем обязательств дарения и говорит ст. 577 ГК РФ. Этот ракурс к вопросу о возможности совершения договора дарения под отменительным условием представляется более справедливым по отношению к дарителю, который в результате дарения теряет свое имущество, не получая ничего взамен⁶.

В связи с этим нет преград к заключению договоров дарения под отменительными условиями, не служащими основаниями к отмене дарения или отказу от исполнения договора, которые закреплены в ст. 577 и 578 ГК РФ. Допустимыми могут быть признаны договоры дарения с условиями об их прекращении в случаях, например, *исцеления дарителя от тяжелой болезни, появления у него детей, утраты собственного имущества и т.п.* При этом обстоятельства, указываемые в качестве отменительных условий в договоре обещания дарения, не должны быть безнравственными или противоправными.

Заключая вышеизложенное, можно сделать вывод, что гражданское законодательство представляет сторонам договора дарения следующие возможности:

— по взаимному соглашению изменить или расторгнуть договор дарения вне зависимости от фактической передачи предмета дарения;

— согласовать иные (не поименованные в Гражданском кодексе РФ) отменительные условия, которые позволяют полностью или частично вернуть дар дарителю;

— изменить или расторгнуть договор дарения в судебном порядке по требованию одной из сторон в связи с существенным изменением обстоятельств.

Литература

1. Белов В.А. Жилое помещение и обязательственные отношения : монография / В.А. Белов. Москва : Юстицинформ, 2018. 160 с.

2. Брагинский М.И. Договорное право. В 5 книгах. Кн. 2. Договоры о передаче имущества / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 4-е изд., стереотип. Москва : Статут, 2002. 800 с.

3. Нам К.В. Существенное изменение обстоятельств и договор дарения. Решение Верховного суда Германии от 18.06.2019 по делу X ZR 107/16 и комментарий к нему / К.В. Нам // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 6. С. 35–47.

4. Российское гражданское право. В 2 томах. Т. 2. Обязательственное право : учебник / ответственный редактор Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. Москва : Статут, 2015. 1206 с.

5. Тарасенко О.А. О возможности признания договора дарения незаключенным: вопросы теории и практики / О.А. Тарасенко // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 19–24.

References

1. Belov V.A. Zhiloe pomeschenie i obyazatelstvenny'e otnosheniya : monografiya [Residential Accommodation and Legally Binding Relations : monograph] / V.A. Belov. Moskva : Yustitsinform — Moscow : Justice Inform, 2018. 160 s.

2. Braginsky M.I. Dogovornoe pravo. V 5 knigakh. Kn. 2. Dogovory' o peredache imuschestva [Contractual Law. In 5 books. Book. 2. Property Transfer Agreements] / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. 4-e izd., stereotip. — 4th edition, stereotyped. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2002. 800 s.

3. Nam K.V. Suschestvennoe izmenenie obstoyatelstv i dogovor dareniya. Reshenie Verkhovnogo suda Germanii ot 18.06.2019 po delu X ZR 107/16 i kommentariy k nemu [A Substantial Change in Circumstances and a Gift Agreement. The Resolution of the Federal Court of Justice of Germany of June 18, 2019, in case X ZR 107/16 and a commentary to it] / K.V. Nam // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii — Bulletin of the Economic Justice of the Russian Federation. 2020. № 6. S. 35–47.

4. Rossiyskoe grazhdanskoe pravo. V 2 tomakh. T. 2. Obyazatelstvennoe pravo : uchebnik [Russian Civil Law. In 2 volumes. Vol. 2. Law of Obligations : textbook] / otvetstvenny'y redaktor E.A. Sukhanov. 2-e izd., stereotip. — publishing editor E.A. Sukhanov. 2nd edition, stereotyped. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2015. 1206 s.

5. Tarasenko O.A. O vozmozhnosti priznaniya dogovora dareniya nezaklyuchenny'm: voprosy' teorii i praktiki [On the Opportunity for the Recognition of a Gift Agreement as Non-Concluded: Issues of the Theory and Practice] / O.A. Tarasenko // Predprinimatelskoe pravo — Entrepreneurial Law. 2021. № 3. S. 19–24.

⁶ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. 4-е изд., стереотип. М. : Статут, 2002. Кн. 2. 800 с.

Гражданское и энергетическое право: соотношение принципов в контексте публичного и частного интересов

Бабаков Владимир Алексеевич,

доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии,

кандидат юридических наук, доцент

vladbabakov@yandex.ru

Дискуссия о соотношении гражданского и энергетического права не может не основываться на конечной цели создания такой теоретической и практической модели взаимодействия рассматриваемых отраслей, в которой прежде всего учитывались бы реальные потребности участников имущественного оборота.

Значение закрепленного в ст. 2 Конституции РФ положения о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, применительно к целям настоящей статьи проявляется в следующем предложении цитируемой статьи, согласно которой признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Таким образом, обязанностью государства, а следовательно, и существенно важным содержанием публично-правового интереса является установление такого баланса прав и интересов участников любых правоотношений, при котором обозначенные в качестве высшей ценности права и свободы имели бы гарантии своей практической реализации. С указанных позиций можно сослаться и на работы, в которых доказывается системный характер конституционных гарантий прав и свобод человека и места судебных гарантий в этой системе, а также показана системная связь между конституционными и государственными гарантиями, которая проявляется также в том, что самым полным образом государственные гарантии закреплены именно в Конституции России¹.

Несмотря на очевидность подобного подхода, признание его ведущими учеными рассматриваемых отраслей права², в том числе права энергетического³,

отнодью не очевидно признание его в отечественном законодательстве и практике его правоприменения.

Так, в связи со сказанным хотелось бы оспорить одну из аксиом энергетического права, а именно то, что «как в теории, так и в практике правоприменения давно утвердилось положение о том, что специфика самого процесса... обусловила и особый характер регулирования, а именно установление приоритета отраслевого законодательства в сфере энергоснабжения... над ГК РФ»⁴. Подобный подход представляется недостаточно обоснованным, а более верным тезис о том, что в части регулирования договорных правоотношений между физическими и юридическими лицами — потребителями энергии и энергоснабжающими организациями законодательство должно гарантировать соблюдение всей совокупности принципов гражданского права.

Приведем несколько примеров. В связи с тем что энергетическое законодательство в части, регулируемой гражданским правом, определяет в том числе порядок заключения, исполнения и прекращения договоров энергоснабжения, заключаемых физическими лицами — потребителями энергии с энергоснабжающими организациями, представляет как научный, так и практический интерес поиск как баланса интересов сторон соответствующих правоотношений, так и учет публично-правового интереса, поскольку нахождение указанного баланса невозможно без разрешения вопроса о том, каким образом должен быть учтен и как должен быть понят публичный интерес в рамках данных правоотношений. Ответ на этот вопрос неизбежно влияет на корректировку нормативного регулирования содержания договорных отношений сторон договора энергоснабжения.

Пункт 2 ст. 548 ГК РФ устанавливает, что к отношениям, связанным со снабжением через присоединенную сеть газом, нефтью и нефтепродуктами, водой и другими товарами, правила о договоре энергоснабжения (ст. 539–547) применяются, если иное не установлено законом, иными правовыми актами или не вытекает из существа обязательства. Фактически использованием указанной техники нормирования правоотношений законодатель лишает физических лиц-потребителей ряда существенных материально-правовых гарантий защиты их прав и законных интересов как участников отношений гражданских. Так, Постановлением Правительства РФ

¹ См., например: Чихладзе Л.Т., Осавелюк А.М. Конституция России и проблема гарантий прав и свобод человека // *Lex Russica*. 2018. № 11. С. 63–68.

² Применительно к цивилистической сфере см., например: Вавилин Е.В. Общественный интерес в гражданском праве. Сельской Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сб. науч. ст. / В.В. Акинфиева, Л.А. Аксенчук, А.А. Ананьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. 592 с. // СПС «КонсультантПлюс»; Егоров А.В. Принципы осуществления гражданских прав: от теории к практике // *Гражданское право социального государства*: сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др.; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020. 480 с.

³ Так, например, П.Г. Лахно включает в предмет энергетического права особенности договорного регулирования отношений в сфере энергетики; защиту прав и законных интересов субъектов энергетического права, в этом плане особое внимание уделяет правовому регулированию электро-, тепло- и газоснабжения граждан. См.: Лахно П.Г. Об энергетическом праве и не только... // *Предпринимательское право*. 2019. № 4. С. 32–45.

⁴ Максименко П.Н. Гарантийные обязательства по договору энергоснабжения в сфере электроэнергетики и ответственность за их нарушение // *Право и экономика*. 2020. № 7. С. 47.

от 21 июля 2008 г. № 549 «О порядке поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан» (вместе с «Правилами поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан»)⁵ фактически не содержит никакой ответственности ресурсоснабжающей организации за несоблюдение требований о предварительном уведомлении потребителя о проведении проверки, по сути игнорирует возможность злоупотребления правом со стороны газоснабжающей организации при взыскании денег не за фактически потребленную энергию, а по нормативам потребления даже при доказанности факта нарушения потребителем соответствующих норм в срок меньший, чем три месяца до составления акта, а также при доказанности наличия у потребителя меньшей площади отапливаемого помещения, чем указана в договоре. Далеко не всегда можно говорить и о обоснованности установления презумпции вины потребителя при любом нарушении целостности пломб и т.д.

Примером из практики правоприменения может служить решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим абзаца второго пункта 124(14) Правил организации теплоснабжения в Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства РФ от 8 августа 2012 г. № 808, суть которого сводится к тому, что, согласно абзацу второму пункта 124(14) Правил организации теплоснабжения в Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 8 августа 2012 г. № 808, снижение размера платы за тепловую энергию (мощность) при несоблюдении единой теплоснабжающей организацией включенных в договор теплоснабжения значений параметров качества теплоснабжения и (или) параметров, отражающих допустимые перерывы в теплоснабжении, не производится в случае наличия у потребителя задолженности по оплате тепловой энергии (мощности), теплоносителя, в том числе в случае нарушения сроков предварительной оплаты, если они предусмотрены договором теплоснабжения, в размере, превышающем размер платы более чем за один расчетный период, установленный этим договором.

При этом законодатель никак не объясняет причин, по которым отдает приоритет в регулировании отношений по снабжению схожими энергоресурсами в одних случаях нормам Гражданского кодекса РФ, а в других — иным актам гражданского законодательства. Даже краткое рассмотрение последствий подобного немотивированного различия в законодательном подходе уже дает основания для необходимости формулирования указанных правил на единообразной теоретической основе.

Полагаем, что в комментируемых нормах находит свое отражение не подлинный публичный, общественный интерес, а фактически получает приоритет корпоративный, ведомственный интерес определенной группы участников гражданских правоотношений. Объективно присутствующее противоречие

частноправового (индивидуального) и публичного (общественного) интереса в реализации гражданско-правовых отношений с участием государства в обозримый исторический период всегда порождало негативные тенденции в правовом их регулировании, обуславливая дисбаланс данных интересов в ту или иную сторону. В настоящее время неразвитость или отсутствие реального содержания таких важнейших (и взаимосвязанных) мегасоциальных конструкций, как «правовое государство» и «гражданское общество», влечет за собой определенное недопонимание важности реализации публичных, общественных интересов в праве. Указанное обуславливает необходимость усиления институционального воздействия гражданского права на рассматриваемую сферу.

При том, что в исторической ретроспективе законодатель далеко не всегда разделял право на частное и публичное, государство всегда, и в достаточно широких масштабах, регулировало хозяйственный оборот в целях обеспечения его стабильности и охраны прав собственности, а следовательно, интересов государства в целом⁷.

Что есть частный интерес? Этот интерес разнообразен настолько, насколько в правовом демократическом государстве в сфере частного права действует принцип «разрешено все, что не запрещено законом». В частности, под понятие частного интереса индивида (организации, сообщества), который можно рассматривать как определенные притязания субъективного права, подпадает его стремление к правомерному извлечению прибыли (ст. 2 ГК РФ), свободному изъявлению воли в своем интересе, свободному владению, пользованию и распоряжению своим имуществом. Важно и то, чтобы частный интерес не вступал в конфликт с интересом публичным, в нашем контексте — государственным.

В понимании публичного интереса, понятием которого мы охватываем присутствующие в законодательстве понятия собственно «публичного интереса», а также «общественного интереса», «государственного интереса» (интересы, нужды, потребности государства), наблюдается достаточно широкая вариация взглядов представителей отраслевых наук. Если объем понятий личных и общественных интересов может в конкретике правового регулирования быть более или менее широким, то понятие интересов государства (в том же контексте — интересов общества, публичных интересов) является максимально широким. То же — в отношении интересов общества⁸. В качестве примера можно привести позицию Т.С. Яценко, определяющую содержание общественного интереса как «интерес общности

⁵ Постановление Правительства РФ от 21 июля 2008 г. № 549 (ред. от 19.03.2020) «О порядке поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан» (вместе с «Правилами поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан») // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 10 марта 2021 г. № АКПИ21-13 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Как пример противоречивости и непоследовательности такого регулирования можно указать на следующее. При циньском царе Сяогуэне (361–338 гг. до н.э.) реформатором Шан Яном в числе ряда преобразований был реализован и указ о так называемом порабощении торговли. В соответствии с ним «извлекающие выгоду из второстепенных занятий (торговля и ремесло)... должны быть превращены в рабов». И это при том, что сам Шан Ян считал торговлю одной из «трех основных функций государства» (см.: Пивоваров Н.Д. Источники древнекитайского права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52). С. 18).

⁸ Так, В.Ф. Яковлев полагает публичными интересами всех граждан, образующих то или иное сообщество, выразителем которых является государство. См.: Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012. С. 194.

людей в сохранении ее жизнедеятельности и удовлетворении наиболее важных ее потребностей»⁹.

Любое из рассмотренных определений лишь подтверждает вывод о том, что нерешенность системных, концептуальных вопросов соотношения гражданского и смежных отраслей права приводит в конечном итоге к существенным дефектам правового регулирования последних, что с неизбежностью влияет в том числе и на конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина.

С каких бы позиций юридино-философского осмысления исторического генезиса различных форм бытия и социальной организации человека (естественного права, позитивистской теории права или юридино-либертарного его понимания) мы ни исходили в анализе парадигмы интересов человека, государства и общества, есть все основания говорить и об объективных предпосылках, и о наличии реальных процессов постепенной трансформации и движения индивидуума к личности, общества с броуновским движением различных социальных сил к структурно организованному гражданскому обществу, государства — к правовому (не только и не просто конституционному, имеющему писанный Основной Закон) государству.

В этих процессах гражданское право как один из важнейших стабилизирующих факторов во всей динамике общественного развития использованием своего инструментария, специфических методов, форм и способов правовой регуляции призвано обеспечивать создание необходимых условий для безопасности, устойчивого и поступательного развития как государства и общества в целом, так и гражданского оборота, эффективной защиты прав граждан и интересов государства.

Литература

1. Вавилин Е.В. Общественный интерес в гражданском праве / Е.В. Вавилин // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.) : сборник научных статей / В.В. Акинфиева, Л.А. Аксенчук, А.А. Ананьева [и др.] ; ответственные редакторы В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. Москва : Статут, 2017. С. 11–17.

2. Вавилин Е.В. Принципы осуществления гражданских прав: от теории к практике / Е.В. Вавилин // Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах [и др.] ; ответственные редакторы В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. Москва : Статут, 2020. С. 366–380.

3. Лахно П.Г. Об энергетическом праве и не только... / П.Г. Лахно // Предпринимательское право. 2019. № 4. С. 32–45.

4. Максименко П.Н. Гарантийные обязательства по договору энергоснабжения в сфере электроэнергетики и ответственность за их нарушение / П.Н. Максименко // Право и экономика. 2020. № 7. С. 45–51.

5. Пивоваров Н.Д. Источники древнекитайского права / Н.Д. Пивоваров // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52). С. 15–23.

6. Чихладзе Л.Т. Конституция России и проблема гарантий прав и свобод человека / Л.Т. Чихладзе,

⁹ Яценко Т.С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 99.

А.М. Осавельюк // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 11 (144). С. 63–68.

7. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования / В.Ф. Яковлев. Москва : Статут, 2012. 488 с.

8. Яценко Т.С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов : диссертация доктора юридических наук / Т.С. Яценко. Москва, 2016. 363 с.

References

1. Vavilin E.V. Obschestvenny'y interes v grazhdanskom prave [Public Interest in Civil Law] / E.V. Vavilin // Sedmoy Permskiy kongress ucheny'kh-yuristov (g. Perm, 18–19 noyabrya 2016 g.) : sbornik nauchny'kh statey / V.V. Akinfieva, L.A. Aksenchuk, A.A. Ananyeva [i dr.] ; otvetstvenny'e redaktory V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova — The Seventh Perm Congress of Legal Scientists (Perm, November 18 to 19, 2016) : collection of scientific articles / V.V. Akinfieva, L.A. Aksenchuk, A.A. Ananyeva [et al.] ; publishing editors V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2017. S. 11–17.

2. Vavilin E.V. Printsipy` osuschestvleniya grazhdanskiykh prav: ot teorii k praktike [Principles of Exercising of Civil Rights: From the Theory to Practice] / E.V. Vavilin // Grazhdanskoe pravo sotsialnogo gosudarstva : sbornik statey, posvyaschenny'y 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.L. Makovskogo (1930–2020) / A.G. Arkhipova, A.V. Asoskov, V.V. Bezbakh [i dr.] ; otvetstvenny'e redaktory V.V. Vitryanskiy, E.A. Sukhanov — Civil Law of a Social Welfare State : collection of articles dedicated to the 90th anniversary of Professor A.L. Makovsky (1930 to 2020) / A.G. Arkhipova, A.V. Asoskov, V.V. Bezbakh [et al.] ; publishing editors V.V. Vitryanskiy, E.A. Sukhanov. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2020. S. 366–380.

3. Lakhno P.G. Ob energeticheskom prave i ne tolko... [On Energy Law and Much More...] / P.G. Lakhno // Predprinimatelskoe pravo — Entrepreneurial Law. 2019. № 4. S. 32–45.

4. Maksimenko P.N. Garantiyny'e obyazatelstva po dogovoru energosnabzheniya v sfere elektroenergetiki i otvetstvennost za ikh narushenie [Guarantee Obligations under an Energy Supply Agreement in the Electrical Energy Industry and the Liability for Their Violation] / P.N. Maksimenko // Pravo i ekonomika — Law and Economics. 2020. № 7. S. 45–51.

5. Pivovarov N.D. Istochniki drevnekitayskogo prava [Sources of Ancient Chinese Law] / N.D. Pivovarov // Aktualny'e problemy` rossiyskogo prava — Relevant Russian Law Problems. 2015. № 3 (52). S. 15–23.

6. Chikhladze L.T. Konstitutsiya Rossii i problema garantiy prav i svobod cheloveka [The Constitution of Russia and the Problem of Guarantees of Human Rights and Freedoms] / L.T. Chikhladze, A.M. Osavelyuk // Lex Russica (Russkiy zakon) — Lex Russica (Russian Law). 2018. № 11 (144). S. 63–68.

7. Yakovlev V.F. Pravovoe gosudarstvo: voprosy` formirovaniya [Law-Governed State: Issues of the Establishment] / V.F. Yakovlev. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2012. 488 s.

8. Yatsenko T.S. Grazhdansko-pravovaya okhrana publichny'kh interesov : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [Civil Protection of Public Interests : thesis of LL.D.] / T.S. Yatsenko. Moskva — Moscow, 2016. 363 s.

Некоторые вопросы ответственности за неисполнение рамочного договора

Ганева Екатерина Олеговна

преподаватель кафедры гражданского права Юридического института
Иркутского государственного университета

кандидат юридических наук

kareva10@mail.ru

Основным принципом исполнения рамочного договора, направленного на организацию долгосрочных отношений между участниками гражданского оборота, является осуществление поставленной сторонами цели. Стороны, которые прибегают к данной договорной конструкции, стремятся прежде всего обеспечить безопасность своих будущих отношений и возможность быстрого заключения других договоров на основании рамочного договора. Поэтому в отсутствие заключенных отдельных договоров рамочный договор лишается какого-либо правового значения.

Когда одна из сторон нарушает обязательства по отдельному договору, заключенному на основании и во исполнение рамочного договора, зачастую сторона, чье право нарушено, стремится расторгнуть рамочный договор. Это объясняется тем, что стороны, заключая рамочный договор, планируют долгосрочное сотрудничество, предполагающее систематическое однородное исполнение обязательств в течение длительного времени. Рамочный договор позволяет сторонам организовать целую систему деловых отношений, состоящую из заключенных ими договоров. И если в этой цепочке договоров появляется договор, который не исполняется или исполняется ненадлежащим образом одной стороной, то у другой стороны подрывается интерес к исполнению не только нарушенного договора, но и всей цепочки сделок.

Общие нормы договорного права применяются как к спорам, связанным с неисполнением или ненадлежащим исполнением рамочного (основного) договора, так и к спорам, связанным с нарушением условий отдельных договоров, заключаемых на основании и во исполнение рамочного договора. Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение непосредственно рамочного договора и уточняющих договоров может быть установлена законом. Однако часто в самом рамочном договоре содержатся весьма подробные положения о последствиях невыполнения его условий. В связи с этим следует рассмотреть вопрос о том, какие последствия могут иметь для рамочного договора неисполнение или ненадлежащее исполнение последующих договоров.

Возникшее из рамочного договора правоотношение, стороны которого связаны субъективными

правами и обязанностями, в любом случае будет являться обязательством. Даже если последующие договоры не будут заключены. Права и обязанности сторон в таком случае имеют неимущественный характер, поскольку действия контрагентов направлены на организацию отношений, суть которой — заключение других договоров. И неисполнение соответствующего обязательства влечет гражданско-правовую ответственность, которая отличается от ответственности по договорам имущественного характера, заключенным во исполнение основного договора (например, договор поставки, договор перевозки груза). Если исходить из того, что заключение рамочного договора порождает обязательство заключать конкретные договоры во исполнение рамочного, то неисполнение таких договоров следовало бы считать неисполнением основной договорной обязанности и, соответственно, существенным нарушением основного договора.

В юридической литературе существуют различные точки зрения относительно правовой природы ответственности, возникающей в результате нарушений некоторых обязанностей, предусмотренных рамочным договором.

Так, по мнению В.С. Комарицкого, если вытекающая непосредственно из рамочного договора обязанность по заключению в будущем других договоров не исполняется одной из сторон, возникает преддоговорная ответственность в контексте этих разовых соглашений. В ситуации, когда рамочный договор содержит санкции за определенные нарушения, «ответственность может рассматриваться, с одной стороны, в качестве договорной (ввиду того, что ее наступление вызвано обстоятельствами, предусмотренными договором), с другой же — в качестве преддоговорной (например, если возникнет до того момента, как сторонами будет заключен договор-приложение, содержащий существенные условия основного договора)»¹.

По мнению Д.Н. Кархалева, «ответственность за нарушение рамочного договора является разновидностью преддоговорной ответственности в виде возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров при заключении основного

¹ Комарицкий В.С. Правовое регулирование преддоговорной ответственности по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 139.

договора»². С.О. Макаrchук утверждает, что в случае отказа от исполнения обязанностей из генерального соглашения наступает не договорная, а преддоговорная ответственность³.

Подвергая сомнению указанную точку зрения, О.С. Юренкова отмечает, что рамочный договор является самостоятельным и порождает ответственность за нарушение обязанностей, вытекающих именно из этого договора⁴.

Думается, что при неисполнении сторонами обязанностей, вытекающих из рамочного договора, в том числе обязанности по заключению в будущем других договоров во исполнение рамочного договора, будет наступать не преддоговорная, а договорная ответственность.

Договоры, как правило, заключаются путем переговоров, в ходе которых стороны обмениваются предложениями и контрпредложениями, и стороны могут отказаться от переговоров или продолжить переговоры. Господствующим принципом является свобода ведения переговоров. Однако свобода ведения переговоров, как представляется, не обеспечивает подлинное сотрудничество между сторонами. Поэтому договорное право эволюционировало в сторону закрепления в ст. 434.1 ГК РФ преддоговорной ответственности за недобросовестное ведение или недобросовестное прерывание переговоров.

Преддоговорная ответственность наступает за неисполнение обязанностей при бездоговорном порядке ведения переговоров по поводу заключения договора. В случае ненадлежащего исполнения обязанностей по ведению переговоров, вытекающих из соглашения о порядке ведения переговоров, наступает договорная ответственность⁵.

Договорная ответственность наступает и за нарушения сторонами условий рамочного договора, направленного на систематическое исполнение обязательств в течение длительного времени. Исполнение такого договора может на определенном этапе создать трудности в отношениях договаривающихся сторон, поэтому многие рамочные договоры предусматривают положения, позволяющие адаптировать долгосрочные отношения к меняющимся обстоятельствам. Такие положения обязывают стороны вести переговоры, чтобы определить изменения, которые должны быть внесены в договор.

² Кархалев Д.Н. Рамочный и абонентский договоры в гражданском праве // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 2.

³ Макаrchук С.О. О значении понятия «опцион» в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник Московского ун-та МВД России. 2013. № 4. С. 138.

⁴ Юренкова О.С. Специальные договорные конструкции о предоставлении субъективного права требования заключения и исполнения гражданско-правовых договоров в будущем : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 111.

⁵ Маленина М.Н. Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 38.

Обязательное ведение переговоров может быть предусмотрено сторонами как в рамочном договоре с прямым обязательством заключать другие договоры, так и в рамочном договоре с подразумеваемым обязательством в последующем заключать другие договоры во исполнение рамочного. В последнем случае обязательство добросовестно вести переговоры связано с характером обязательства договаривающихся сторон, т.е. с их свободой после заключения рамочного договора заключать или не заключать договоры во исполнение рамочного. Эта свобода сосуществует с обязательной силой рамочного договора без обязательства заключать договор (договоры), что обязывает стороны поддерживать отношения на протяжении всего срока действия договора. Поэтому обязательство вести переговоры не является абсолютным принципом в рамочном договоре с обязательством заключать договор. Кроме того, следует полагать, что в таком рамочном договоре будет действовать принцип принятия разумных условий, предложенных другой стороной, а переговоры будут обязательны в исключительном порядке, в случае отказа от условий, которые партнер сочтет неразумными.

В рамочном договоре без обязательства заключать договор свобода заключать или не заключать договоры об осуществлении не отменяет непосредственную обязательную силу этого договора. Это прежде всего действительный договор, который вытекает из согласования волеизъявлений договаривающихся сторон. Важно отметить, что, даже если рамочный договор не содержит обязательства по заключению договора (договоров) в будущем, он вполне может содержать и другие обязательства, которые должны исполняться в соответствии с условиями, изложенными в рамочном договоре. Например, условие о неконкуренции в рамочном дистрибьюторском договоре должно будет соблюдаться даже в том случае, если стороны впоследствии не заключат никакого соглашения. При этом не исключено, что стороны не смогут прийти к соглашению даже после добросовестных переговоров.

Таким образом, при неисполнении сторонами основной обязанности по заключению в будущем других договоров во исполнение рамочного договора и других обязанностей, вытекающих из рамочного договора, будет наступать договорная ответственность.

Однако в отсутствие положений, напрямую обязывающих одну из сторон или обоих партнеров заключить договоры на основании и во исполнение основного договора, неисполнение, выражающееся в незаключении договоров, не является правонарушением. Негативное последствие может выражаться лишь в утрате сторонами интереса в сотрудничестве, поскольку экономическая цель рамочного договора в конечном счете не может быть достигнута без заключения других договоров в будущем.

Свобода сторон заключать или не заключать договоры в будущем — суть конструкции рамочного договора. Но такая свобода подразумевает скрытую обязанность сторон не делать того, что поставит под угрозу последующее заключение предполагаемых договоров⁶. Поскольку стороны изначально решили заключить основной договор, они обязаны исполнять такой договор с учетом согласованных ранее договорных условий. Подписание контрагентами рамочного договора предполагает заключение в будущем между ними конкретизирующих соглашений⁷. Само по себе незаключение договоров в отсутствие предусмотренного рамочным договором обязательства не может повлечь за собой никаких последствий для основного договора, но может в конечном итоге сделать невозможным достижение цели, ради которой предполагалось заключение рамочного договора, и продолжение деловых отношений. Отсюда следует, что более правильным было бы говорить не об обязанности сторон вступать в будущие договорные отношения, а о необходимости для них заключать такие договоры⁸.

Сторонами, помимо нарушения основной обязанности рамочного договора заключать последующие договоры, могут быть допущены и другие нарушения общих условий. Рамочный договор, направленный на упрощение заключения нескольких будущих соглашений, может содержать четкие правила, касающиеся процедур заключения и содержания других договоров. Хотя эти правила относятся к будущим сделкам, думается, что их нарушение (несоблюдение) в момент заключения договоров во исполнение рамочного договора представляет собой прямое нарушение обязательств, предусмотренных основным договором.

Формой гражданско-правовой ответственности за нарушение общих условий обязательственных взаимоотношений сторон по рамочному договору выступает взыскание убытков или неустойки, что является самостоятельной ответственностью за неисполнение обязательства. Соответствующий вывод следует из различия, существующего между рамочным договором и последующими договорами, в результате чего последствия нарушения того и другого не совпадают. В одном случае речь идет о нарушении обязанности заключить последующий договор (договоры), а в другом — о нарушении обязанности имущественного характера (например, уплатить определенную сумму за поставленный товар). Различие в характере правонарушений влечет различную ответственность.

Судебная практика позволяет констатировать, что чаще всего ответственность за неисполнение

рамочного договора наступает в форме возмещения убытков как имущественных потерь и взыскания неустойки. При этом, если ответственность сторон установлена лишь в рамочном договоре, а в последующих отдельных договорах соответствующие условия отсутствуют, то в случае нарушения обязательств по конкретному договору (например, просрочка поставки) будут применяться условия основного договора⁹. Такое решение отражает позицию, сформулированную в судебной арбитражной практике еще до появления в Гражданском кодексе РФ правил о рамочном договоре, согласно которой «условия организационного (рамочного) соглашения являются частью заключенного договора, если иное не указано сторонами и такой договор в целом соответствует их намерению, выраженному в организационном соглашении»¹⁰.

Судебная практика знакома и со взысканием процентов за неисполнение денежного обязательства по конкретному договору, заключенному на основании и во исполнение рамочного договора (ст. 395 ГК РФ). При этом, даже если взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами прямо рамочным договором не предусмотрено, но в отдельных последующих договорах такая мера ответственности сторонами определена, начисление процентов за пользование чужими денежными средствами является правомерным¹¹ и соответствует принципу свободы договора.

Интересным также представляется рассмотреть вопрос о понуждении к заключению договора (договоров) во исполнение рамочного договора.

Д.Е. Дугинов указывает, что в судебном порядке понудить сторону рамочного договора к заключению другого отдельного договора (договоров) не представляется возможным, если условия будущих договоров не согласованы надлежащим образом¹². По мнению автора, понуждение к исполнению является видом ответственности такой обязательственной конструкции, как предварительный договор.

Данная позиция находит подтверждение и в складывающейся судебной практике. Так, арбитражный суд, рассматривая дело, указал, что спорный договор «имеет рамочный характер, то есть в нем отсутствует указание на ассортимент и количество товара, передача которого согласована сторонами этой сделки. Рамочный договор, в отличие от предварительного, не содержит существенных условий и не устанавливает обязанность заключе-

⁶ Gatsi J. Le contrat-cadre. Préface de M. Behar-Touchais. 1996. P. 134.

⁷ Татаркина К.П. Соотношение понятий «рамочный договор» и «массовый договор» // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2016. № 1 (9). С. 107.

⁸ Ефимова Л.Г. Рамочные (организационные) договоры. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 9.

⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 июня 2018 г. № 09АП-20864/18 // СПС «Гарант».

¹⁰ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» // СПС «Гарант».

¹¹ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 8 декабря 2017 г. № 05АП-7599/17 // СПС «Гарант».

¹² Дугинов Д.Е. Оформление долгосрочных договорных отношений с помощью рамочного договора // Корпоративный юрист. 2010. № 5.

ния договора в последующем, а лишь указывает на такую возможность»¹³.

Однако в доктрине существует и другой подход, в соответствии с которым понуждение к заключению договора (договоров) во исполнение рамочного договора возможно, если основной договор прямо предусматривает обязанность заключать такие договоры.

Так, Д.О. Шнигер считает: несмотря на то что «нормы ст. 429.1 Гражданского кодекса в явном виде не предусматривают возникновение на основании рамочного договора обязательства по заключению основного договора, возможность понуждения к заключению договора опирается на общее положение ст. 421 Гражданского кодекса, предусматривающее добровольно принятое на себя обязательство как основание возникновения обязанности лица заключить договор»¹⁴.

Согласно п. 1 ст. 421 ГК РФ, понуждение к заключению договора запрещено. Отступление от общего правила допускается лишь в случаях, когда обязанность заключить договор предусмотрена Гражданским кодексом РФ, законом или добровольно принятым обязательством. Столь объемная формулировка, содержащаяся в рассматриваемой статье, а также отсутствие в нормах права определения, раскрывающего понятие «добровольно принятое обязательство», говорит в пользу того, что рамочные договоры, предусматривающие прямую обязанность заключать в будущем отдельные договоры, надлежит рассматривать в качестве основания ограничения свободы вступления в договорные отношения на основании добровольно принятого обязательства¹⁵.

По мнению Е.Б. Подузовой, в таком случае возникает обязанность особого рода, за неисполнение сторонами которой должна быть предусмотрена и специальная санкция, а именно понуждение в судебном порядке к заключению отдельных договоров во исполнение рамочного договора¹⁶.

Рамочный договор представляет собой соглашение по общим условиям обязательственных взаимоотношений сторон. Для уточнения условий исполнения рамочного договора, которые могут быть впоследствии изменены, необходимо повторное выражение волеизъявления сторон. Конструкция рамочного договора, закреплённая в действующем законодательстве, построена таким образом, что предусматривает для сторон возмож-

ность вообще не заключать в будущем другого договора (других договоров). При этом судебная практика показывает, что в таком случае незаключение последующих договоров в отсутствие прямо предусмотренной обязанности не является нарушением условий рамочного договора и не влечет наступления ответственности.

Во избежание возможных споров, связанных с отказом заключать договоры во исполнение рамочного договора, в некоторых рамочных договорах содержится прямое обязательство заключать «уточняющие» договоры. Соглашение сторон, выраженное непосредственно в рамочном договоре, предусматривающее обязательство заключать на основании и во исполнение рамочного договора другие договоры, является законным основанием к понуждению заключить такие договоры. Поскольку условия, предусмотренные в рамочном договоре, при заключении каждого конкретного договора в будущем могут изменяться, в случае если предложенные одной стороной изменения не будут приняты другой стороной, должны применяться правила, определенные в рамочном договоре.

Таким образом, сторонами рамочного договора могут быть допущены как нарушения основной обязанности заключать последующие договоры, так и другие нарушения общих условий. Нарушение правил, содержащихся в рамочном договоре и касающихся процедур заключения других договоров, представляет собой прямое нарушение обязательств, предусмотренных основным договором. При неисполнении сторонами основной обязанности по заключению в будущем других договоров во исполнение рамочного договора и других обязанностей, вытекающих из рамочного договора, будет наступать договорная ответственность. Когда рамочный договор не содержит положения, прямо предусматривающего обязанность сторон заключать в будущем договоры, возникает подразумеваемое обязательство в последующем заключать другие договоры во исполнение рамочного. В таком случае незаключение последующих договоров не влечет гражданско-правовой ответственности. Если договаривающиеся стороны в рамочном договоре прямо обязуются заключать отдельные договоры во исполнение рамочного договора, в случае неисполнения этого условия сторона, чье право было нарушено, вправе требовать заключения таких договоров с соблюдением заранее определенных правил.

Литература

1. Дугинов Д.Е. Оформление долгосрочных договорных отношений с помощью рамочного договора / Д.Е. Дугинов // Корпоративный юрист. 2010. № 5. С. 36–37.
2. Ефимова Л.Г. Рамочные (организационные) договоры / Л.Г. Ефимова. Москва : Волтерс Клувер, 2006. 104 с.

¹³ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29 января 2015 г. № Ф06-18566/13 по делу № А55-5672/2014 // СПС «Гарант».

¹⁴ Шнигер Д.О. Рамочный договор как основание возникновения обязательства, или Критика концепции статьи 429.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 74.

¹⁵ Райников А.С. Проблемы применения рамочных договоров (договоров с открытыми условиями) // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3 (82). С. 40.

¹⁶ Подузова Е.Б. Организационные договоры в гражданском праве : монография. М. : Проспект, 2014. С. 85.

3. Кархалев Д.Н. Рамочный и абонентский договоры в гражданском праве / Д.Н. Кархалев // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 2–5.

4. Комарицкий В.С. Правовое регулирование преддоговорной ответственности по законодательству Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / В.С. Комарицкий. Москва, 2016. 205 с.

5. Макаrchук С.О. О значении понятия «опцион» в условиях реформирования гражданского законодательства / С.О. Макаrchук // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4. С. 69–72.

6. Малейна М.Н. Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) / М.Н. Малейна // Журнал российского права. № 10. 2016. С. 36–46.

7. Подузова Е.Б. Организационные договоры в гражданском праве : монография / Е.Б. Подузова. Москва : Проспект, 2014. 179 с.

8. Райников А.С. Проблемы применения рамочных договоров (договоров с открытыми условиями) / А.С. Райников // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3 (82). С. 37–46.

9. Татаркина К.П. Соотношение понятий «рамочный договор» и «массовый договор» / К.П. Татаркина // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 1 (9). С. 102–110.

10. Шнигер Д.О. Рамочный договор как основание возникновения обязательства, или Критика концепции статьи 429.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / Д.О. Шнигер // Журнал российского права. 2016. № 12 (240). С. 69–78.

11. Юренкова О.С. Специальные договорные конструкции о предоставлении субъективного права требования заключения и исполнения гражданско-правовых договоров в будущем : диссертация кандидата юридических наук / О.С. Юренкова. Москва, 2015. 201 с.

12. Gatsi J. Le contrat-cadre / J. Gatsi ; Préface de M. Behar-Touchais. Paris, 1996. 335 p.

References

1. Duginov D.E. Oformlenie dolgosrochny'kh dogovorny'kh otnosheniy s pomoschyu ramochnogo dogovora [Formalizing Long-Term Contractual Relations by Means of a Framework Agreement] / D.E. Duginov // Korporativny'yurist — Corporate Lawyer. 2010. № 5. S. 36–37.

2. Efimova L.G. Ramochny'e (organizatsionny'e) dogovory [Framework (Organizational) Agreements] / L.G. Efimova. Moskva : Volters Kluver — Moscow : Wolters Kluwer, 2006. 104 s.

3. Karkhalev D.N. Ramochny'y i abonentskiy dogovory v grazhdanskom prave [Framework and Subscription Agreements in Civil Law] / D.N. Karkhalev // Rossiyskaya yustitsiya — Russian Justice. 2020. № 3. S. 2–5.

4. Komaritsky V.S. Pravovoe regulirovanie preddogovornoj otvetstvennosti po zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [The Legal Regulation of Pre-Contractual Liability under the Laws of the Russian Federation : thesis of PhD (Law)] / V.S. Komaritsky. Moskva — Moscow, 2016. 205 s.

5. Makarchuk S.O. O znachenii ponyatiya «optsiya» v usloviyakh reformirovaniya grazhdanskogo zakonodatelstva [On the Meaning of the “Option” Concept in the Conditions of Civil Law Reformation] / S.O. Makarchuk // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 4. S. 69–72.

6. Maleina M.N. Peregovory o zaklyuchenii dogovora (ponyatie, pravovoe regulirovanie, pravila) [Negotiations on the Agreement Conclusion (the Concept, Legal Regulation, Rules)] / M.N. Maleina // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. № 10. 2016. S. 36–46.

7. Poduzova E.B. Organizatsionny'e dogovory v grazhdanskom prave : monografiya [Organizational Agreements in Civil Law : monograph] / E.B. Poduzova. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2014. 179 s.

8. Raynikov A.S. Problemy primeneniya ramochny'kh dogovorov (dogovorov s otkryty'mi usloviyami) [Problems of the Use of Framework Agreements (Agreements with Open Terms)] / A.S. Raynikov // Sibirskiy yuridicheskij vestnik — Siberian Legal Bulletin. 2018. № 3 (82). S. 37–46.

9. Tatarkina K.P. Sootnoshenie ponyatij «ramochny'y dogovor» i «massovy'y dogovor» [The Correlation between the Concepts of “Framework Agreement” and “Mass Agreement”] / K.P. Tatarkina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo — Bulletin of the Tomsk State University. Law. 2016. № 1 (9). S. 102–110.

10. Shniger D.O. Ramochny'y dogovor kak osnovanie vozniknoveniya obyazatelstva, ili Kritika kontseptsii statyi 429.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Framework Agreement as the Ground for the Origination of an Obligation or Criticism of the Concept of Article 429.1 of the Civil Code of the Russian Federation] / D.O. Shniger // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2016. № 12 (240). S. 69–78.

11. Yurenkova O.S. Spetsialny'e dogovorny'e konstruksii o predostavlenii subyektivnogo prava trebovaniya zaklyucheniya i ispolneniya grazhdansko-pravovy'kh dogovorov v buduschem : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Special Contractual Structures on Granting of a Legal Right to Claim Conclusion and Performance of Civil Agreements in the Future : thesis of PhD (Law)] / O.S. Yurenkova. Moskva — Moscow, 2015. 201 s.

12. Gatsi J. Le contrat-cadre / J. Gatsi ; Préface de M. Behar-Touchais. Paris, 1996. 335 p.

Технологические компании как элемент предпринимательской экосистемы университетов

Серова Ольга Александровна,

проректор по учебной работе и международной деятельности,
профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
Olgaserova1974@mail.ru

В последнее время все чаще в средствах массовой информации появляются новости об открытии в университетах студентами и преподавателями инновационных компаний, создании стартапов. Так, например, в Санкт-Петербурге зарегистрированы четыре технологические компании, которые принадлежат студентам и созданы при поддержке «Энерготехнохаб Петербург». Частных инвесторов заинтересовали предложенные студентами проекты по улавливанию углекислого газа и синтезу антикоррозийного покрытия, а также технологии получения биотоплива и хранения водорода¹. Подобные новости вполне укладываются в логику государственной политики в сфере образования и науки. В октябре подписано распоряжение Правительства РФ, утвердившее перечень стратегических инициатив до 2030 года². В рамках направления «Технологический рынок» выделена стратегическая инициатива «Платформы университетского технологического предпринимательства». Основной задачей этой инициативы является создание экосистемы технологического предпринимательства вокруг университетов путем создания компаний, открытия университетских стартап-студий для вывода продуктов на рынок³.

Включение университетов в современный рынок высокотехнологической продукции не случайно. В последние десятилетия перед высшей школой поставлена задача осуществления трансфера технологий в бизнес, «вносить весомый вклад в экономику, основанную на знаниях, посредством коммерциализации результатов научно-исследовательской деятельности и развития предпринимательской культуры⁴. Государство одновременно определяло две задачи — создание инновационных компаний внутри университетской среды и развитие взаимодействия между образовательными учреждениями и промышленными предприятиями⁵.

В отечественной практике наиболее распространенным способом коммерциализации интеллектуальной собственности стало создание МИП при вузах⁶.

Создание малых инновационных предприятий в Российской Федерации определяется ст. 103 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»⁷. Образовательные организации (действующие в форме бюджетного или автономного учреждения) имеют право без согласия собственника их имущества с уведомлением уполномоченного органа быть учредителями (в том числе совместно с другими лицами) хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств, деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности), исключительные права на которые принадлежат указанным образовательным организациям (в том числе совместно с другими лицами), либо становиться участниками ранее созданных хозяйственных обществ или хозяйственных партнерств, деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности, путем внесения вклада в уставный капитал таких обществ или складочный капитал таких партнерств. Для активизации данной деятельности в 2009 г. потребовалось принятие специального закона⁸. За прошедшее время во многих вузах страны создавались МИП, но лишь незначительная часть из них действительно стали эффективными и могут рассматриваться в качестве конкурентоспособных участников бизнес-процессов.

Отсутствие масштабного результата определяется комплексом причин. Во-первых, система академического предпринимательства в большинстве вузов так и не была сформирована, данные идеи не поддерживаются и не воспринимаются профессорско-преподавательским составом, принимаемые управленческие решения декларируют изменения, но не ведут к реальным действиям по внедрению механизмов коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности. Во-вторых, не сформирована система взаимодействия бизнеса и реального сектора экономики, инвестиционных структур и университетов. Многие МИП, студенческие стартапы не рассматри-

¹ Студенты Петербурга создали четыре технологические компании. URL: <https://abnews.ru/2021/10/28/studenty-peterburga-sozdali-chetyre-tehnologicheskie-kompanii/>

² Распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2021 г. № 2816-р «Об утверждении Перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/jwsYsyJKWQQAAcSMGrd7q82RQ5xECo3.pdf>

³ Эксперты: привлекаемый к работе со студентами бизнес нужно интегрировать в среду вуза. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12773757>

⁴ Сухинов А.И., Угнич Е.А. Малые инновационные предприятия при университетах // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 4. С. 98.

⁵ Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования». URL: www.consultant.ru

⁶ Сухинов А.И., Угнич Е.А. Указ. соч. С. 98.

⁷ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

⁸ Федеральный закон от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» // СЗ РФ. 2009. № 31. Ст. 3923.

ваются в качестве реальных партнеров, в том числе ввиду отсутствия средств и знаний, необходимых для оформления требуемой документации проекта для презентации инвестору, создания прототипа и пр. Но есть и третья причина отмеченного отрицательного результата внедрения элементов создания технологических компаний в университетах. Несоответствие традиционной системы организационно-правовых моделей бизнеса меняющимся условиям цифровой экономики и нового технологического уклада.

Закон 2009 г. предлагал в качестве основных форм создания МИП хозяйственные общества — общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества. Как показала практика, в большинстве случаев большинство корпоративных элементов, характерных для данных организационно-правовых форм, нацеленных на аккумуляцию средств, оптимизацию бизнес-процессов, определение стратегии развития компании, исходя из целей максимизации дохода организации и ее участников не использовались. Невозможность для большинства участников МИП сочетания двух типов мышления — предпринимательского и академического (университетского), отсутствие элементов технологического предпринимательства в университетской структуре приводили к формализации деятельности МИП либо выведению реально функционирующих бизнес-структур из экосистемы вуза.

Закон предоставил университетским МИП и студенческим стартапам возможность использования еще одного вида коммерческой организации — хозяйственное партнерство. Основные признаки данной организационно-правовой формы в значительной степени ориентированы на создание модели коммерциализации результатов исследовательской деятельности научных лабораторий вузов и отдельных ученых⁹. Но в России данный вид юридических лиц не получил в настоящее время распространения. Среди университетского сообщества можно отметить отсутствие представлений об этом виде юридических лиц. Учитывая неэффективность созданной инфраструктуры развития инноваций, во многих вузах отсутствуют реальные условия поддержки инновационной активности и академического предпринимательства, обеспечения организационно-правовой поддержки. При этом сами проекты, создаваемые в университетах, имеют очень высокую степень неопределенности как в оценке возможности вывода на рынок, так и в определении финансовой эффективности проекта и подготовки проекта для оценки потенциальными инвесторами. Указанные обстоятельства также не способствуют коммерциализации научно-исследовательских разработок. В связи с этим можно сделать следующий вывод. Отдельные проекты создания технологических компаний в рамках университетской инновационной экосистемы, действительно, успешно работают. Но отсутствует эффект масштабности внедрения новой практики и получения системного результата включения университетских стартапов в экономику страны. Несмотря на принимаемые нормативные акты, лишь в отдельных университетах успешно функционирует инновационная инфраструктура (бизнес-инкубато-

ры, технопарки, инжиниринговые центры, центры сертификации, центры трансфера технологий, центры коллективного пользования, центры инновационного консалтинга и др.), реально обеспечивая потребности исследователей¹⁰.

Развитие новых высокотехнологических отраслей, неопределенность экономической ситуации внесли существенные корректировки в используемые бизнес-модели. После финансового кризиса 2008 г. эксперты отмечали падение числа индивидуальных предприятий во многих странах. Так, например, «во Франции число таких предприятий сгладило лишь с появлением в 2009 г. новой организационно-правовой формы предпринимательства — частных предпринимателей (auto-entrepreneur). В меньшей степени кризис затронул корпоративные формы предприятий (formes societaires), но средний темп их создания замедлился с 9% в 2000–2007 гг. до 2% в 2008–2017 гг.»¹¹ Для отечественной экономики кризисные явления последних десятилетий также привели к уменьшению числа индивидуальных предпринимателей и корпоративных форм организации бизнеса. Несколько изменило ситуацию появление нового правового режима самозанятых. Вместе с тем «латентные» формы участия в индивидуальной предпринимательской деятельности активно развиваются в цифровой среде социальных сетях. Появление новых форм инвестирования в виртуальном пространстве и таких феноменов, как «народная наука», позволит «увести» ряд научных проектов из экосистемы университетского предпринимательства. Часть студенческих стартапов может быть реализована на цифровых платформах (компаниях-платформах), которые в последнее время укрепили свое превосходство над классическими линейными бизнес-моделями и представляют собой «двусторонние или многосторонние рынки, а также цифровые инфраструктуры, которые создают возможности для взаимодействия нескольких групп участников рынка» и выполняют широкий спектр посреднических функций¹². Вместе с тем названные обстоятельства следует рассматривать в позитивном ключе, так как усиление гражданско-правовой активности молодых исследователей будет способствовать достижению государственных стратегических задач повышения конкурентоспособности России на мировых рынках высокотехнологической продукции.

В рамках традиционного корпоративного бизнеса упомянутые выше задачи сегодня решают так называемые технологические компании. Данный термин получил широкое распространение, при этом его содержание является размытым, само явление неоднородно, не имеет соответствующего юридического закрепления. Вместе с тем анализ этого явления имеет большое практическое значение, так как создаваемые университетские юридические лица

⁹ См.: Сеницын С.А. Либерализация статуса хозяйственных партнерств: потребности бизнеса, ожидания и оценка прогнозируемых результатов // Предпринимательское право. 2018. № 3; Серова О.А. Развитие инновационного предпринимательства и проблемы наследования долей в хозяйственных обществах и партнерствах // Наследственное право. 2018. № 2.

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 219. О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования. URL: www.consultant.ru

¹¹ Isore M., Tripier F. La création d'entreprises dix ans après la Grande recession: Une perspective macroéconomique // Lettre du CEPII 2019. Mode of access: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/lettre/2019_let401.pdf

¹² Управление бизнесом в цифровой экономике: вызовы и решения / под ред. И.А. Аренкова, Т.А. Лезиной, М.К. Ценжарик Е.Г. Черновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 31.

лишенные признаков технологических компаний, не смогут быть конкурентоспособными.

Основную роль на рынке в настоящее время играют так называемые бигтехи (BigTech). Речь идет прежде всего о корпорациях-гигантах типа Amazon, Apple, Microsoft, являющихся крупнейшими производителями и поставщиками высокотехнологических инноваций. Эти компании используют огромный массив данных, формируют собственную экосистему, в которую вовлекаются сотни небольших стартапов. Роль данных корпораций имеет такое большое значение для современной экономики и общества, что нашла отражение даже в лингвистике. С 2018 г. стал применяться термин *techlash*. Данное слово образовано от слияния двух понятий: *technology* (технология) и *backlash* (мощная негативная обратная реакция группы людей)¹³. Под термином *techlash*, таким образом, понимается боязнь чрезмерного влияния крупнейших технологических компаний (бигтехов) на жизнь частных лиц и государственных структур. Специального регулирования деятельности таких компаний не сформировано. При этом «совокупная стоимость этих компаний в 2019 г. увеличилась почти на 2 трлн долл., что примерно соответствует размеру всего фондового рынка Германии. Четыре из пяти бигтехов стоят более чем по 1 трлн долл. каждый, Facebook — «всего» 620 млрд долл.»¹⁴.

Язык отражает не только страх перед засильем гаджетов, но и указывает на формирование недовольства технологическими компаниями, такими как, например, Apple или Google¹⁵, опасением за безопасность и сохранность личных данных, автономности. Также новое понятие связано и с продолжающимся противостоянием крупнейших технологических компаний с правительствами и государственными регулирующими органами¹⁶. В таких условиях университетским технологическим компаниям и студенческим стартапам требуется действенная государственная поддержка. При этом такие организации будут в основной массе относиться к сегменту малого и среднего бизнеса. Специальный закон¹⁷ в настоящее время определяет особенности поддержки малого и среднего предпринимательства в области инноваций и промышленного производства. На наш взгляд, требуется детализация правового положения технологических компаний (стартапов), в том числе путем адаптации существующих механизмов к инструментам технологического предпринимательства.

Университетские стартапы могут занять только незначительный объем рынка, действуя как субъекты малого и среднего предпринимательства. Только отдельные хозяйствующие смогут включиться в систему крупного технологического бизнеса. В этом случае

необходимо понимание тех механизмов, которые позволят данным компаниям оставаться в структуре инновационной экосистемы университетов. Либо предусмотреть возможность передачи доли университета на возмездной основе и снятия ограничений, характерных для правового положения бюджетных и автономных учреждений, к которым относятся образовательные организации.

Литература

1. Серова О.А. Развитие инновационного предпринимательства и проблемы наследования долей в хозяйственных обществах и партнерствах / О.А. Серова // Наследственное право. 2018. № 2. С. 15–18.
2. Синицын С.А. Либерализация статуса хозяйственных партнерств: потребности бизнеса, ожидания и оценка прогнозируемых результатов / С.А. Синицын // Предпринимательское право. 2018. № 3. С. 42–47.
3. Сухинов А.И. Малые инновационные предприятия при университетах / А.И. Сухинов, Е.А. Угнич // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 4. С. 98–105.
4. Управление бизнесом в цифровой экономике: вызовы и решения / под редакцией И.А. Аренкова, Т.А. Лезиной, М.К. Ценжарик, Е.Г. Черновой. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019. 360 с.
5. Isore M. La création d'entreprises dix ans après la Grande recession: Une perspective macroéconomique / M. Isore, F. Tripier // La Lettre du CEPII, juillet 2019. № 401. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/lettre/2019/let401.pdf

References

1. Serova O.A. Razvitiye innovatsionnogo predprinimatelstva i problemy` nasledovaniya doley v khozyaystvenny`kh obschestvakh i partnerstvakh [The Development of Innovative Entrepreneurship and Problems of Inheritance of Shares in Business Entities and Partnerships] / O.A. Serova // Nasledstvennoe pravo — Inheritance Law. 2018. № 2. S. 15–18.
2. Sinitsyn S.A. Liberalizatsiya statusa khozyaystvenny`kh partnerstv: potrebnosti biznesa, ozhidaniya i otsenka prognoziruemy`kh rezultatov [Liberalization of the Status of Economic Partnerships: Business Demands, Expectations and Evaluation of Forecasted Results] / S.A. Sinitsyn // Predprinimatelskoe pravo — Entrepreneurial Law. 2018. № 3. S. 42–47.
3. Sukhinov A.I. Malye innovatsionny`e predpriyatiya pri universitetakh [Small Innovative Enterprises under Universities] / A.I. Sukhinov, E.A. Ugnich // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz — University Management: The Practice and Analysis. 2017. Vol. 21. № 4. S. 98–105.
4. Upravlenie biznesom v tsifrovoy ekonomike: vy`zovy` i resheniya [Business Management in the Digital Economy: Challenges and Solutions] / pod redaktsiyey I.A. Arenkova, T.A. Lezinoy, M.K. Tsenzharik, E.G. Chernovoy — edited by I.A. Arenkov, T.A. Lezina, M.K. Tsenzharik, E.G. Chernova. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta — Saint Petersburg : Publishing house of the Saint Petersburg University, 2019. 360 s.
5. Isore M. La création d'entreprises dix ans après la Grande recession: Une perspective macroéconomique / M. Isore, F. Tripier // La Lettre du CEPII, juillet 2019. № 401. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/lettre/2019/let401.pdf

¹³ URL: <https://englex.ru/2018-most-popular-words-from-the-oxford-collins-cambridge-dictionaries/> (дата обращения: 30.10.2021).

¹⁴ Big tech: How to make sense of the latest tech surge // The Economist. L., 2020. 20.02. Mode of access: <https://www.economist.com/leaders/2020/02/20/how-to-make-sense-of-the-latest-tech-surge> (дата обращения: 19.10.2021).

¹⁵ URL: https://aif.by/dontknows/kakie_neologizmy_voshli_v_spisok_samyh_populyarnyh_po_itogam_goda (дата обращения: 30.10.2021).

¹⁶ URL: <https://www.the-village.ru/city/2017/296782-slovar-2018-goda?from=readmore>

¹⁷ Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

«Власть капитала» и «власть договора» в коммерческих корпорациях в «креативной» экономике

Самойлов Илья Александрович,

доцент кафедры предпринимательского, трудового и корпоративного права

Юридического факультета имени М.М. Сперанского

Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации

samil@rambler.ru

Проблема. Представим себе ситуацию, более чем актуальную для сегодняшнего мира. Есть некая идея, которую придумал некий креативный участник-специалист (идея новой интернет-платформы, программный продукт, идея нового бренда и т.д.). Эта идея неосвязаема, нематериальна, но, предположительно, на ее основе можно построить успешный бизнес. Идея уникальна, аналогов нет (на то она и новая идея), и определить заранее ее ценность, стоимость и «капитализацию» невозможно. Назовем автора идеи «участник-креатив».

Для реализации идеи на практике и превращения ее из интеллектуального упражнения в бизнес, приносящий доход, нужны ресурсы. Ресурсы реальные, осязаемые, имеющие четко выраженную стоимостную оценку (деньги, «осязаемые» материальные активы). У участника-креатива таких ресурсов нет.

Но такие ресурсы есть у другого участника. Назовем его «участник-ресурс». Вполне возможно, что участник — денежный ресурс не имеет ни малейшего представления о том, как развивать бизнес, основанный на идее (да и любой другой бизнес в принципе, деньги по наследству достались). Но при этом он понимает, что, если ресурс не вложить (например, в новый бизнес), ресурс обесценится (та же инфляция его съест). И участник-ресурс ищет возможности свои средства куда-то вложить, чтобы их не только не потерять, но еще и приумножить.

И вот эти два потенциальных участника встретили друг друга и решили в складчину создать юридическое лицо, которое и позволит на базе идеи участника-креатива и средств участника-ресурса построить новый бизнес. Но для создания любого бизнеса в форме коммерческой (т.е. ставящей перед собой цель заработать прибыль) корпорации (т.е. основанной на вкладах участников, которые и формируют ее высший орган управления) необходимо определить ее организационно-правовую форму, сформировать складочный капитал, внося в него свои взносы, и договориться о «правилах игры», в соответствии с которыми участники такой корпорации будут реализовывать свои корпоративные права (прежде всего право на участие в управлении, право на получение текущей прибыли

и право на получение капитализации своей доли в случае ухода из такой корпорации¹).

В данном случае предметом анализа является только право на участие в управлении такой коммерческой корпорацией, участниками которой является участник-креатив и участник-ресурс. При этом будем исходить из того, что оба участника, претендуя на участие в управлении совместным проектом в форме коммерческой корпорации, не желают участвовать в управлении по принципу равенства (каждому — один голос).

Рассмотрим теперь, какие варианты организационно-правовых форм юридических лиц — коммерческих корпораций нам предлагает действующее российское законодательство. Их список исчерпывающ. Это хозяйственные общества (акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью), хозяйственные товарищества (полные товарищества, товарищества на вере), производственные кооперативы, хозяйственные партнерства.

Исходя из предположения, что равенство участников в управлении их не устраивает, выбор становится достаточно ограничен.

Производственный кооператив. Вряд ли производственный кооператив можно рассматривать как приемлемую для объединения участника-креатива и участника-ресурса юридическое лицо в силу его преимущественно производственной специфики. Но нас интересует система управления, которая в соответствии с п. 2 ст. 15 Федерального закона РФ «О производственных кооперативах»² построена по принципу один голос для одного участника.

То же самое касается и полных товариществ. Тем более что вряд ли участник-креатив и участник-ресурс захотят нести полную имущественную ответственность во вновь создаваемом бизнесе, основанном на новой идее, рыночные перспективы которой не ясны.

¹ Самойлов И.А. Проблемы получения дохода в виде роста стоимости акций (долей) хозяйственных обществ в условиях развития цифровой экономики // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2020. С. 187–197.

² Федеральный закон от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ (ред. от 05.04.2021) «О производственных кооперативах» // СПС «КонсультантПлюс».

Товарищество на вере. Теоретически участник-креатив может стать полным товарищем (с неограниченной ответственностью), а участник-ресурс согласится стать участником на вере, без права управлять вложенными в проект средствами.

Все-таки традиционной базой для реализации властных полномочий в коммерческой корпорации, к числу которых относятся и хозяйственные общества, и хозяйственные партнерства, является власть капитала.

Рассмотрим прежде всего хозяйственные общества.

На протяжении многовековой истории создания и функционирования тех же акционерных обществ доминировал совершенно логичный и обоснованный принцип. При формировании уставного (складочного) капитала тот, кто больше вносит, тот больше рискует и, следовательно, должен иметь больше прав на принятие решений, определяющих политику конкретной корпорации. И на получение прибыли в виде дивидендов и росте стоимости своих долей (акций).

При этом достаточно просто было определить, а сколько, собственно, вносит в уставный капитал участник, даже если его вклад осуществлялся в неденежной форме. В конце концов, любой неденежный вклад в уставный капитал (земля, недвижимость, оборудование и т.д.) получал денежную оценку (например, на основе стоимости рыночных аналогов).

Конечно, окончательную оценку стоимости неденежных вкладов в уставный капитал при создании хозяйственного общества дают учредители, но в пределах сумм, определенных независимым оценщиком.

Так, абз. 2 п. 2 ст. 66.2 ГК РФ определяет: «Денежная оценка неденежного вклада в уставный капитал хозяйственного общества должна быть проведена независимым оценщиком. Участники хозяйственного общества не вправе определять денежную оценку неденежного вклада в размере, превышающем сумму оценки, определенную независимым оценщиком»³.

Такой подход абсолютно оправдывает себя в том случае, если мы говорим о производственных и торговых корпорациях, т.е. о корпорациях индустриальной экономики, базирующейся прежде всего на производстве товаров.

Отсюда и совершенно логичный принцип управления в хозяйственных обществах, определяемый следующим образом.

В акционерных обществах «голосование на общем собрании акционеров осуществляется по принципу “одна голосующая акция общества — один голос”, за исключением проведения кумулятивного голосования в случае, предусмотр-

енном настоящим Федеральным законом» (ст. 59 Федерального закона РФ «Об акционерных обществах»)⁴.

В обществах с ограниченной ответственностью базовый принцип голосования также определяется размером доли участника в его уставном капитале (хотя уставом общества по единогласному решению его участников может быть предусмотрен и иной порядок голосования). В п. 1 ст. 32 Федерального закона РФ «Об обществах с ограниченной ответственностью» говорится:

«Каждый участник общества имеет на общем собрании участников общества число голосов, пропорциональное его доле в уставном капитале общества, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом.

Уставом общества при его учреждении или путем внесения в устав общества изменений по решению общего собрания участников общества, принятому всеми участниками общества единогласно, может быть установлен иной порядок определения числа голосов участников общества. Изменение и исключение положений устава общества, устанавливающих такой порядок, осуществляются по решению общего собрания участников общества, принятому всеми участниками общества единогласно»⁵.

Таким образом, в хозяйственных обществах действует как доминирующий принцип «власти капитала», характерный для корпораций индустриального (промышленного) типа.

В то же время мы наблюдаем, что экономика в последние десятилетия претерпевает кардинальные изменения. Если в XX в. можно было говорить о доминировании промышленной экономики, требующей больших инвестиций в бизнес, дорогостоящих промышленных и торговых имущественных комплексов, то в XXI в. все большую долю в экономике занимает «услуговой» бизнес, активнейшим образом развивается информационная, в том числе цифровая, экономика. Все больше появляется бизнес-единиц (в том числе в форме хозяйственных обществ), для которых наиболее важным ресурсом являются не дорогостоящие оборудование, активы и имущественные комплексы, громадные инвестиции, а креативные идеи, труд интеллектуалов, иногда при минимальной стоимости активов корпорации»⁶.

Таким образом, в так называемой постиндустриальной, или, как ее можно назвать, «креативной», экономике, существенную часть которой составляют сервисная и интеллектуальная составля-

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Самойлов И.А. Проблемы наследования долей в уставных капиталах хозяйственных обществ: вопросы теории и практики // Наследственное право. 2018. № 2. С. 26–28.

ющие, возникает принципиально новый фактор, влияющий на формирование складочного капитала хозяйственных обществ.

Если вклад в уставный капитал участника-ресурса в денежной форме определяется однозначно, вклад в виде имущества, ценных бумаг и прочих «осязаемых» активов можно с некоей достоверностью определить, исходя из, например, рыночных аналогов, то как можно определить в момент формирования уставного капитала актив в виде идеи, ноу-хау, иного «неосязаемого» (нематериального) актива, не имеющего рыночных аналогов, вносимый участником-креативом? Идея (нематериальный актив, основанный на идее) индивидуальна, уникальна, рыночных аналогов не имеет. И никакой оценщик в силу отсутствия рыночных аналогов подобной уникальной единичной идеи (креативного вклада) дать оценку, даже близкую к реальной, не сможет.

Но нас в данном случае интересует не определение размера участия вкладчика «креативного» уникального ресурса, а система управления (голосования) и принятия решений высшим органом управления.

Базовым принципом участия в управлении на собрании участников хозяйственного общества является «власть капитала». Тот участник, чей вклад больше, получает и большую долю в уставном капитале и, следовательно, и пропорционально большее количество голосов. То, что является абсолютно логичным и целесообразным в корпорациях индустриального типа, становится проблемным фактором в корпорациях «креативной», то есть построенных на доминанте идеи, экономики. Если следовать этому принципу, то участник-ресурс получает подавляющее большинство голосов в высшем органе управления, фактически отстраняя от права участия в управлении участника-креатива. Вполне естественно, последний вряд ли будет заинтересован в подобном распределении властных полномочий. Власть капитала отстраняет от власти креатив.

Может ли решить эту проблему в хозяйственных обществах корпоративный договор?

В соответствии с п. 1 ст. 67.2 ГК РФ: «Участники хозяйственного общества или некоторые из них вправе заключить между собой корпоративный договор об осуществлении своих корпоративных прав (договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, акционерное соглашение), в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения

долей (акций) до наступления определенных обстоятельств»⁷.

Как следует из определения корпоративного договора, участники хозяйственных обществ могут договариваться о согласованном осуществлении своих прав, в том числе и голосовать определенным образом на общем собрании общества. Но в любом случае такое согласованное голосование осуществляется в соответствии с принадлежащими им голосами. Чисто теоретически можно представить себе конструкцию, в рамках которой корпоративным договором определены те вопросы, относящиеся к компетенции общего собрания, по которым участник-ресурс и участник-креатив должны голосовать согласованно. Но на самом деле эта конструкция должна быть усилена позицией, в соответствии с которой по этим вопросам участник-ресурс должен не просто голосовать совместно с участником-креативом, но должен безусловно выполнять пожелания последнего.

Но в таком случае речь не идет об осуществлении своих прав участником-ресурсом определенным образом, а об отказе от осуществления своих прав. Но корпоративный договор отказа от корпоративных прав (в том числе от права иметь собственное мнение по вопросам, отнесенным к компетенции общего собрания) не предусматривает. Да и вряд ли участник-ресурс на такое ущемление своих прав согласится.

Но корпоративный договор предусматривает возможность для участника, имеющего собственное мнение по вопросам повестки дня собрания, воздержаться (отказаться) от их осуществления. Еще раз обратим внимание на возможность отказа от реализации права, но не от передачи права другому участнику (т.е. подчинения его воле).

То есть теоретическая возможность корпоративным договором определить перечень вопросов в рамках компетенции высшего органа управления хозяйственным обществом, по которым участник-ресурс при голосовании будет воздерживаться. Но что это означает на практике? Решение не будет принято. Действительно, если участник-ресурс, имеющий доминирующую долю в уставном капитале общества (а значит, через власть капитала — и доминирующее количество голосов), воздерживается, то решение, предложенное и проголосованное участником-креативом, просто не наберет необходимого количества голосов «за» в соответствии с процедурой голосования на собрании участников.

Таким образом, в хозяйственных обществах, в которых действует принцип «власти капитала» (т.е. участие в управлении пропорционально доле в уставном капитале), адекватный индустриальному типу корпораций, для корпораций «креативной», построенной на доминанте идей, экономики не подходит. «Власть капитала» в этом случае должна быть заменена на «власть договора» между

⁷ Гражданский кодекс РФ (часть первая).

участниками. Система голосования должна базироваться не некоей взаимоприемлемой договоренности участника-ресурса и участника-креатива. При этом, как было уже замечено, корпоративный договор не может обеспечить подобную договоренность.

Тем не менее подобная договоренность (т.е. замена безусловной «власти капитала» на «власть согласованного договора») между участниками может быть достигнута.

В акционерных обществах любого типа «власть капитала» остается безусловной, так как голосование на собрании акционеров осуществляется по принципу «одна акция — один голос».

Но вот в обществах с ограниченной ответственностью ситуация совершенно другая.

Еще раз вспомним абз. 5 п. 1 ст. 32 Федерального закона РФ «Об обществах с ограниченной ответственностью»:

«Уставом общества при его учреждении или путем внесения в устав общества изменений по решению общего собрания участников общества, принятому всеми участниками общества единогласно, может быть установлен иной порядок определения числа голосов участников общества. Изменение и исключение положений устава общества, устанавливающих такой порядок, осуществляются по решению общего собрания участников общества, принятому всеми участниками общества единогласно»⁸.

Как следует из этой нормы закона, у участника-ресурса и участника-креатива есть возможность предусмотреть иной (не пропорциональный долям в уставном капитале, т.е. не определяемый «властью капитала») порядок голосования на высшем органе управления. Следовательно, организационно-правовая форма общества с ограниченной ответственностью, при фиксации в уставе «договорной» формы определения числа голосов участников, вполне подходит к корпорациям «креативного» типа экономики.

Более того, аналогичная конструкция может быть применена и для решения другой проблемы, с которой сталкиваются участники. Независимо от размеров своих долей, они могут договориться о «правилах игр», в соответствии с которыми участник-ресурс, и участник-креатив в такой корпорации будут реализовывать свои корпоративные права на получение текущей прибыли. Абзац 2 п. 2 ст. 28 Федерального закона РФ «Об обществах с ограниченной ответственностью» гласит:

«Уставом общества при его учреждении или путем внесения в устав общества изменений по решению общего собрания участников общества, принятому всеми участниками общества единогласно, может быть установлен иной порядок распределения прибыли между участниками

общества. Изменение и исключение положений устава общества, устанавливающих такой порядок, осуществляются по решению общего собрания участников общества, принятому всеми участниками общества единогласно»⁹.

В акционерных обществах такая возможность отсутствует.

Теперь рассмотрим последнюю из определенных и подлежащих анализу организационных форм юридических лиц — коммерческих корпораций форму — хозяйственное партнерство.

В 2011 г. был принят Федеральный закон № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах». Изначально идея появления новой организационно-правовой формы коммерческой корпорации заключалась в том, чтобы создать такую форму объединения идей и капиталов в инновационной сфере, которая обеспечила бы максимально простой (минимально зарегулированный) способ привлечения инвесторов в «креативные» проекты.

Действительно, в хозяйственных партнерствах «власть капитала» сведена к вспомогательной, суть управленческих взаимоотношений определяет «власть договора».

При этом многие положения Закона «О некоммерческих партнерствах» аналогичны соответствующим положениям Федерального закона РФ «Об обществах с ограниченной ответственностью», который, как было уже сказано, позволяет реализовывать часть корпоративных прав (на управление, получение прибыли) не пропорционально долям в уставном капитале, а в соответствии с договоренностью участников, зафиксированной нормами устава соответствующего ООО.

Тем не менее Закон «О хозяйственных партнерствах» можно назвать первым, в котором корпоративные права определяются именно через власть договора, но не через власть капитала.

Так, п. 1 ст. 2 этого закона определяет, что в управлении его деятельностью принимают участие как участники партнерства, так и иные лица в соответствии с соглашением об управлении партнерством¹⁰.

Учредительным документом хозяйственного партнерства является его устав, который в соответствии с п. 2 ст. 9 Федерального закона РФ № 380-ФЗ должен содержать следующие сведения:

- 1) полное фирменное наименование партнерства;
- 2) сведения о целях и видах деятельности партнерства;
- 3) сведения о месте нахождения партнерства;
- 4) сведения об общем размере и о составе складочного капитала партнерства;

⁸ Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью».

⁹ Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью».

¹⁰ Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О хозяйственных партнерствах» // СПС «КонсультантПлюс».

5) сведения о порядке хранения документов партнерства, номер лицензии и место нахождения нотариуса по месту нахождения партнерства, у которого удостоверяется и подлежит хранению соглашение об управлении партнерством;

6) сведения о наличии или об отсутствии в партнерстве соглашения об управлении партнерством и об участии или о неучастии в соглашении об управлении самого партнерства;

7) порядок и срок избрания единоличного исполнительного органа партнерства, порядок его деятельности и принятия им решений¹¹.

Иными словами, устав не регламентирует создание органов управления партнерства, их полномочия, за исключением Единоличного исполнительного органа.

Все вопросы, связанные с формированием остальных органов управления (заметим, их создание возможно, но не является обязательным), их полномочия в случае создания определяются соглашением об управлении партнерством, которое не является учредительным документом. Более того, это соглашение является непубличным документом, не подлежащим не только государственной регистрации, но и даже является «конфиденциальным» для контрагентов. Так, в соответствии с п. 4 ст. 6 закона:

«В отношениях с третьими лицами партнерство, участники партнерства и другие участники соглашения об управлении партнерством не вправе ссылаться на положения соглашения об управлении партнерством, за исключением случаев, если они докажут, что третье лицо в момент совершения сделки знало или должно было знать о содержании этого соглашения»¹².

Правда, Единоличный исполнительный орган может (п. 2 ст. 19), но не обязан предоставлять кредиторам и иным лицам, вступающим в гражданско-правовые отношения с партнерством (п. 5 ст. 6), «сведения о содержании соглашения об управлении партнерством, в том числе о характере и об объеме вытекающих из такого соглашения собственных полномочий и полномочий иных органов управления партнерства на совершение и (или) одобрение тех или иных действий либо сделок»¹³.

В общем, реализация корпоративных прав и обязанностей как участников партнерства, так и третьих лиц — участников соглашения об управлении хозяйственным партнерством, определяются не через «власть капитала», а через «власть договора», т.е. через конфиденциальное соглашение об управлении партнерствам.

С точки зрения объединения усилий «креатива» и «капитала» для реализации инновационного проекта такая юридическая конструкция на первый взгляд представляется целесообразной,

но тут же возникает и ряд проблем, требующих разрешения.

1. Кто является «участником-креативом» в хозяйственном партнерстве? Сам участник партнерства, формирующий его складочный капитал? Но участник-креатив имеет идею, но зачастую не имеет ресурса в материальной форме, необходимой для реализации инновационного проекта. Тогда «участник-ресурс»? Но ведь базовая идея закона состоит в привлечении «участника-ресурса» в инновационный проект в качестве партнера по соглашению об управлении партнерством.

2. Изменение соглашения об управлении партнерством требует единогласия всех его подписантов. То есть «вес» голоса любого участника инновационного проекта, реализуемого в форме некоммерческого партнерства, хоть и не определяется принципом «власти капитала», но не определяется и договоренностью сторон. Действует «демократический» принцип (каждому — один голос), при этом совмещенный с правом «вето» любого участника на изменение «правил игры». Любой конфликт мнений участников приводит к блокировке проекта, остановке его развития.

3. Если «креативный ресурс» — не участник партнерства, но участник соглашения о его управлении, то, имея возможность влиять на принимаемые решения, он не имеет возможности получать доход, так как участником самого партнерства не является. Но то же самое касается и «участника-креатива», если он только подписант соглашения об управлении партнерством. В чем экономический смысл? И кто тогда третьи лица — участники соглашения, не являющиеся при этом партнерами? Их функции и статус непонятны, а степень влияния на инновационный проект велика.

4. «Закрытость» соглашения об управлении некоммерческим партнерством при двойном статусе его участника (как участник партнерства, так и подписант — третье лицо, не являющееся участником партнерства) содержит очень большую коррупционную составляющую. Именно поэтому хозяйственное партнерство можно рассматривать как лидера коррупционных рисков в корпоративном праве¹⁴.

Вот что по этому поводу пишет Е.А. Суханов:

«Нет сомнений, что строгая конфиденциальность таких соглашений наряду с неограниченной возможностью участия в них и в партнерствах третьих лиц и «партнеров» с различными привилегиями, непропорциональными их имущественным вкладам, привлечет в них «инвесторов», «отмывающих» незаконно полученные доходы или занимающихся запрещенной им предпринимательской деятельностью».

¹⁴ Самойлов И.А. Хозяйственное партнерство как лидер развития коррупционных рисков в корпоративном законодательстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 1.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

тельской деятельностью (например, определенные категории чиновников и политиков)¹⁵.

Практика показывает, что в результате хозяйственные партнерства, появление которых предполагалось как «договорная» форма реализации властных полномочий при реализации инновационных проектов и объединении усилий участников «креатива» и «ресурса», себя абсолютно не оправдывает:

«Согласно кодам ОКВЭД, отраженным в выписках из ЕГРЮЛ по имеющимся хозяйственным партнерствам, лишь небольшое число хозяйственных партнерств ведут свою деятельность в отраслях, связанных с инновационной и венчурной деятельностью. Любопытно, что хозяйственные партнерства активно используются в крупных инфраструктурных проектах с привлечением государственного финансирования»¹⁶.

Таким образом, можно сделать следующий вывод.

На сегодняшний день в инновационной сфере крайне остро стоит необходимость объединения «креативного» и «материального» ресурса, с реализацией властных полномочий в области управления проектами не через «власть капитала», но через «власть договора». Предусмотренные отечественным корпоративным законодательством организационно-правовые формы юридических лиц — коммерческих корпораций для реализации подобных проектов в большинстве своем не приспособлены. Только общества с ограниченной ответственностью и хозяйственные партнерства могут реализовать принцип «власти договора» вместо «власти капитала» в инновационных проектах, и то лишь частично.

Литература

1. Мухамедшин И.С. Хозяйственные партнерства — ожидания законодателя и текущая рыночная ситуация / И.С. Мухамедшин, А.В. Ермаков, В.Ю. Смолик // Юрист. 2021. № 3. С. 51–56.

2. Самойлов И.А. Проблемы наследования долей в уставных капиталах хозяйственных обществ: вопросы теории и практики / И.А. Самойлов // Наследственное право. 2018. № 2. С. 26–28.

3. Самойлов И.А. Проблемы получения дохода в виде роста стоимости акций (долей) хозяйственных обществ в условиях развития цифровой экономики / И.А. Самойлов // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике / ответственные редакторы В.А. Вайпан, М.А. Егорова. Москва : Юстицинформ, 2020. С. 187–197.

¹⁵ Суханов Е.А. Хозяйственное партнерство или инвестиционная командита? (размышления над законопроектами) // Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике : сб. ст. / отв. ред. С.С. Алексеев. М., 2011. С. 185.

¹⁶ Мухамедшин И.С., Ермаков А.В., Смолик В.Ю. Хозяйственные партнерства — ожидания законодателя и текущая рыночная ситуация // Юрист. 2021. № 3. С. 55.

4. Самойлов И.А. Хозяйственное партнерство как лидер развития коррупционных рисков в корпоративном законодательстве / И.А. Самойлов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 1 (5). С. 24–27.

5. Суханов Е.А. Хозяйственное партнерство или инвестиционная командита? (размышления над законопроектами) / Е.А. Суханов // Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике : сборник статей, посвященный 70-летию С.А. Хохлова / ответственный редактор С.С. Алексеев. Москва : Статут, 2011. С. 173–187.

References

1. Mukhamedshin I.S. Khozyaystvenny'e partnerstva — ozhidaniya zakonodatelya i tekuschaya situatsiya [Economic Partnerships: Legislator's Expectations and the Current Market Situation] / I.S. Mukhamedshin, A.V. Ermakov, V.Yu. Smolik // Yurist — Lawyer. 2021. № 3. S. 51–56.

2. Samoylov I.A. Problemy' nasledovaniya doley v ustavnny'kh kapitalakh khozyaystvenny'kh obshchestv: voprosy' teorii i praktiki [Problems of Inheritance of Shares in Authorized Capitals of Business Entities: The Theory and Practice] / I.A. Samoylov // Nasledstvennoe pravo — Inheritance Law. 2018. № 2. S. 26–28.

3. Samoylov I.A. Problemy' polucheniya dokhoda v vide rosta stoimosti aktsiy (doley) khozyaystvenny'kh obshchestv v usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki [Problems of Income Generation in the Form of an Increase in the Value of Shares (Stakes) of Business Entities in the Digital Economy Development Conditions] / I.A. Samoylov // Problemy' garmonizatsii ekonomicheskikh otnosheniy i prava v tsifrovoy ekonomike / otvetstvenny'e redaktory' V.A. Vaypan, M.A. Egorova — Problems of Harmonization of Economic Relations and Law in the Digital Economy / publishing editors V.A. Vaypan, M.A. Egorova. Moskva : Yustitsinform — Moscow : Justice Inform, 2020. S. 187–197.

4. Samoylov I.A. Khozyaystvennoe partnerstvo kak lider razvitiya korrupsionny'kh riskov v korporativnom zakonodatelstve [Economic Partnership as the Leader in the Development of Corruption-Related Risks in Corporate Laws] / I.A. Samoylov // Zhurnal predprinimatelskogo i korporativnogo prava — Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2017. № 1 (5). S. 24–27.

5. Sukhanov E.A. Khozyaystvennoe partnerstvo ili investitsionnaya kommandita? (razmy'shleniya nad zakonoproektami) [Economic Partnership or Investment Commandite? (Reflections on Bills)] / E.A. Sukhanov // Razvitie osnovny'kh idey Grazhdanskogo kodeksa Rossii v sovremennom zakonodatelstve i sudebnoy praktike : sbornik statey, posvyaschenny'y 70-letiyu S.A. Khokhlova / otvetstvenny'y redaktor S.S. Alekseev — Development of the Main Ideas of the Civil Code of Russia in Modern Laws and the Judicial Practice : collection of articles dedicated to the 70th anniversary of S.A. Khokhlov / publishing editor S.S. Alekseev. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2011. S. 173–187.

Развитие альтернативных форм проведения общих собраний собственников

Коваленко Юлия Николаевна,

аспирант кафедры гражданского права Юридического института
Иркутского государственного университета
kovalenko@legallight.org

Основная проблема, касающаяся принятия решения общим собранием собственников, чаще всего связывается с возможностью собрания в одном месте собственников, количество которых было бы достаточно как для кворума для проведения собрания, так и для кворума для принятия решения. Особенно остро вопрос встал в период принятия ограничительных мер, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции, когда собрание, т.е. совместное присутствие для обсуждения каких-либо вопросов, по сути, было невозможно.

Кроме того, развитие технологий, позволяющих обеспечить аудиовизуальное взаимодействие значительного числа лиц посредством Zoom-конференций, Skype, Telegram и т.п., неизбежно приводит к трансформации наших представлений о собрании. Например, общие собрания акционеров предлагается проводить путем использования информационных и коммуникационных технологий без определения места проведения в целях повышения удобства акционеров и снижения затрат по созыву и проведению общих собраний акционеров¹.

В ст. 44.1, 47, 47.1 Жилищного кодекса РФ (ЖК РФ) выделяются следующие формы проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме: очное путем совместного присутствия, заочное опросным путем, заочное с использованием системы, очно-заочное — в зависимости от наличия либо отсутствия совместного присутствия для обсуждения при выработке решений.

В Жилищном кодексе РФ использована терминология «проведение собрания в форме заочного голосования», что нам представляется крайне неудачным. Возможно, такая формулировка является устоявшейся, например, и в п. 2 ст. 50 Закона об акционерных обществах указано на проведение собрания в форме заочного голосования. Смеше-

ние понятий наблюдается и в судебной практике², когда суды, признавая недействительными решения общего собрания, используют формулировку «решения собрания, проведенного в форме очно-заочного *голосования*».

На наш взгляд, в терминологии нормативных правовых актов наблюдается путаница понятий «форма проведения собрания» и «форма голосования». Это подчеркивается и в упомянутом Экспертном заключении по проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах”».

Следует различать формы проведения собрания (очная, заочная, очно-заочная / смешанная) и формы голосования (устная, письменная, электронная).

Проведение собрания представляет собой процедуру или процесс принятия решения. Рассматривая формы проведения собрания (очная, заочная или смешанная) как поливариантность способов выработать коллективную волю, их отличие видится в наличии или отсутствии дискуссии как пространства взаимного влияния позиций участников.

Голосование же представляет собой одностороннюю сделку участника собрания (члена гражданско-правового сообщества), и потому форма голосования, как форма выражения волеизъявления участника собрания, является фиксацией содержания такой сделки и оценки ее надежности. Эту позицию разделяют многие ученые. Например, И.М. Шевченко указывает, что голосование является односторонней сделкой, а совокупность таких односторонних сделок складывается в решение собрания и поглощается им³.

Очная форма проведения собрания ценна тем, что позволяет выработать общее решение в процессе дискуссии. Присутствие всех или большинства собственников на общем собрании является способом поддержания фидуциарного характера отношений и способом контроля за исполнением фидуциарных обязанностей.

¹ Экспертное заключение по проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах в части создания возможности проведения общих собраний акционеров в форме собрания путем совместного дистанционного присутствия для обсуждения вопросов повестки дня и принятия решений по вопросам, поставленным на голосование, с использованием информационных и коммуникационных технологий без определения места проведения”» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 11.02.2021 № 205-1/2021) // СПС «КонсультантПлюс».

² Гусев М., Дурнева А., Жук В. Признание недействительным решения общего собрания СНТ: Судебная практика Мособлсуда за декабрь 2020 года // Жилищное право. 2021. № 3. С. 91.

³ Шевченко И.М. О некоторых вопросах оспаривания решений собрания кредиторов в делах о банкротстве // Закон. 2020. № 9. С. 66–78.

Собрание может быть проведено в заочной форме, без совместного присутствия участников для участия в дискуссии, тогда как форма голосования в данном случае может быть выражена опросным путем (бюллетенями) или путем использования специализированной электронной системы.

Возможность проведения общего собрания заочно вытекает из общей нормы ст. 181.2 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), согласно которой решение собрания может приниматься посредством заочного голосования. Многими авторами отмечается удобство данной формы проведения собрания⁴, которая предусмотрена ст. 47 ЖК РФ, ст. 36 Федерального закона «О жилищных накопительных кооперативах» и др.

Однако, как отмечают А.В. Егоров, М.А. Церковников, не во всех правопорядках отношение к заочной форме проведения собрания положительное. В Законе о жилищной собственности Германии возможность заочного проведения собрания предусмотрена, но только в случае, если за подобную форму проведения собрания выступают все собственники единогласно. Авторы выражают предположение, что германскому правопорядку предпочтительнее очная форма проведения собрания, так как именно в данной форме собрания происходит обмен мнениями и аргументами: не зная всех аргументов сторонников противоположного решения, проще сделать ошибочный выбор⁵.

Предпочтительность очного общего собрания косвенно следует из п. 1 ст. 47 ЖК РФ, который предписывает проведение общего собрания в заочной форме только после неудачной попытки проведения очного (явочного) общего собрания, что подчеркивалось и в судебной практике⁶.

На наш взгляд, громоздкость правовой конструкции проведения собрания в заочной форме только после неудавшегося очного собрания не отвечает принципу экономической эффективности при принятии тех или иных управленческих решений и не отражает тенденцию ускорения современного гражданского оборота.

Более того, буквальное толкование указанной правовой нормы ставит вопрос о возможности признания недействительным решения общего собрания собственников, принятого в заочной форме, в случае, если этому не предшествовало несостоявшееся очное общее собрание.

Альтернативой заочному собранию является проведение общего собрания в очно-заочной форме.

В общих нормах главы 9.1 ГК РФ очно-заочное собрание не упоминается, однако из этого не

следует, что очно-заочное собрание является особой формой проведения собрания собственников помещений в многоквартирных домах и не может применяться к собраниям иных собственников или даже участников иных гражданско-правовых сообществ.

Пунктом 105 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» предусмотрена возможность проведения собрания в смешанной (очно-заочной) форме применительно к иным собраниям, если специальным законодательством не предусмотрены особые требования к такой форме и участниками гражданско-правового сообщества такие требования также не устанавливались (в частности, порядок проведения собрания не определен в уставе).

Суть очно-заочной формы проведения собрания состоит в том, что, если очное собрание не имело кворума, проводится заочное голосование опросным путем. При этом возможно как очное обсуждение вопросов повестки дня и принятие решений, так и передача решений, принятых опросным путем, в установленные срок и место.

По мнению О.Г. Киряковой⁷, эффективность очно-заочного собрания видится лишь в сокращении сроков. Для очно-заочного собрания не требуется сначала проводить очное общее собрание собственников и только после истечения десяти дней проводить заочное общее собрание. Основным отличием очно-заочной формы проведения собрания является целостность собрания: это одно собрание, состоящее из двух частей.

Последовательность очной и заочной части очно-заочного собрания не установлена, а значит, обе формы могут проводиться последовательно (сначала очное, потом заочное), параллельно, или даже очная форма может быть «внутри» заочной (когда дата начала приема бюллетеней устанавливается раньше даты очного собрания, а дата окончания приема бюллетеней — позже даты очного собрания)⁸.

Существование очно-заочного общего собрания, безусловно, решает проблему отсутствия кворума на очном общем собрании и является комфортным для собственников.

Однако с развитием цифровых коммуникационных и информационных технологий возможно решить проблемы проведения общего собрания, в том числе в части возможности обеспечения участия всех или большинства участников гражданско-правового сообщества, сокращения расходов на проведение общего собрания, и иным способом: посредством использования современных электронных информационных и коммуникационных технологий, в том числе путем разработки

⁴ См., например: Байтенова А.А., Васильева Ю.Н., Кожанова М.А., Соломкин А.А. Комментарий к Федеральному закону от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс»; Филатова У.Б. Концепция развития института общей собственности в России и за рубежом. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 69.

⁵ Егоров А.В., Церковников М.А. Права на пространство в здании. Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 64 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 2. С. 82.

⁶ Определение Санкт-Петербургского городского суда от 4 декабря 2012 г. № 16956 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Кирякова О.Г. Новеллы жилищного законодательства: формы проведения общих собраний собственников жилья // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 1. С. 11.

⁸ Там же. С. 10.

специальных платформ, иными словами, через дистанционное участие.

В случае, если будет создана возможность присутствия участников в установленные дату и время на какой-либо электронной площадке и обсуждения ими посредством видео- и аудиосвязи вопросов повестки дня, можно ли будет признать такое собрание проведенным в очной либо заочной форме или это принципиально новая форма проведения общего собрания?

В обществах с ограниченной ответственностью, например, допускается заочная форма проведения собрания опросным путем: путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, обеспечивающей аутентичность передаваемых и принимаемых сообщений и их документальное подтверждение (п. 1 ст. 38 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»), но при этом отсутствует упоминание о возможности дистанционного участия в общем собрании.

В акционерных обществах при проведении собраний участников прямо не предусмотрена возможность использования информационных и коммуникационных технологий, позволяющих обеспечить возможность дистанционного участия в общем собрании собственников, обсуждения вопросов повестки дня и принятия решений по вопросам, поставленным на голосование, без присутствия в месте проведения общего собрания собственников (п. 11 ст. 49 Федерального закона «Об акционерных обществах»). Однако в закон предполагается внести изменения, касающиеся возможности проведения общего собрания акционеров путем совместного дистанционного присутствия с использованием технологий, что отвечает современным реалиям и правоприменительной практике иностранных юрисдикций.

Так, Директива Европейского союза 2007/36/ЕС⁹ об осуществлении некоторых прав участников публичных обществ допускает возможность проведения собрания участников (акционеров) при помощи электронных средств для создания равных условий по управлению обществом резидентами страны, где находится головной офис общества, и нерезидентами.

Как указано в ст. 8 Директивы, проведение общего собрания с использованием электронных средств должно отвечать совокупности условий. Во-первых, обеспечить передачу «онлайн» в режиме реального времени процесса проведения общего собрания. Во-вторых, организовать двустороннюю и одновременную связь участника собрания с местом проведения общего собрания, заменяющую реальное присутствие на общем собрании. В-третьих, обеспечить такой механизм голосования до или во время проведения общего собрания,

который позволил бы обеспечить фиксацию волеизъявления участника собрания без его фактического присутствия на собрании и без назначения им представителя для участия в собрании.

Это становится все более актуальным при возникновении чрезвычайных ситуаций, введении режима чрезвычайной ситуации, самоизоляции для граждан, режима повышенной готовности, как показали недавние и стремительно развивающиеся события в России и за рубежом, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции.

В нормах действующего законодательства Российской Федерации прямой запрет на проведение собраний, в которых фиксация воли собственников и обеспечение их участия в обсуждении производится в электронной форме, отсутствует, что в силу диспозитивного характера гражданско-правового регулирования допускает возможность использования современных информационных и телекоммуникационных технологий, включая Skype и Zoom-конференции со значительным количеством участников, применительно к собраниям собственников.

По нашему мнению, в данном случае проведение собраний в режиме «онлайн» является очной формой собрания, тогда как фиксация воли собственников может быть произведена для оценки ее надежности с использованием электронной формы голосования.

Выводы автора подтверждаются в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах”», в которой указано, что такая форма собрания является очной формой¹⁰, мнением ряда ученых, которые указывают на «очный» характер дистанционной формы собрания (например, собрания кредиторов)¹¹.

Говоря об очном собрании как о совместном присутствии, ни один нормативный акт не упоминает обязательное личное физическое присутствие, однако предполагается, что участники имеют вербальный контакт и могут идентифицировать друг друга, что вполне возможно и виртуально, онлайн.

Для признания проводимого дистанционного собрания очным необходимо использовать такие информационные технологии, сервисы дистанционного участия и площадки, которые позволяют обеспечивать:

1) процесс подготовки к принятию решения (удаленное ознакомление с материалами и повесткой дня);

¹⁰ Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах” в части создания возможности проведения общих собраний акционеров в форме собрания путем совместного дистанционного присутствия для обсуждения вопросов повестки дня и принятия решений по вопросам, поставленным на голосование, с использованием информационных и коммуникационных технологий без определения места проведения» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 11.02.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Деятельность арбитражных управляющих в период пандемии // Арбитражный управляющий. 2020. № 3. С. 10–13.

⁹ Директива № 2007/36/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об осуществлении определенных прав акционеров в компаниях, чьи акции допущены к организованным торгам» [рус., англ.] / принята в г. Страсбурге 11.07.2007 (с изм. и доп. от 17.05.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

2) бесперебойную и защищенную от внешнего вмешательства трансляцию изображения, звука и т.д. для аутентификации лиц, участвующих в собрании, включая различные виды идентификации по коду доступа, СМС-сообщению и т.д., и установления между ними устойчивого контакта в целях обсуждения вопросов повестки дня;

3) процесс принятия решения, отражающий выраженную без дефекта волю, т.е. фиксацию голосования как односторонней сделки, подсчета результатов голосования. При этом должна быть предусмотрена возможность осуществлять голосование путем заполнения электронной формы бюллетеней на сайте в сети «Интернет»;

4) просмотр трансляции, хранение информации об итогах голосования.

Этот механизм позволит проводить собрания собственников, даже если собственники помещений не проживают в многоквартирном доме, сдают квартиры в аренду, поскольку в ином случае проведение общего собрания и принятие решений по вопросам повестки дня весьма затруднительно даже при заочной или очно-заочной формах проведения собрания.

Литература

1. Байтенова А.А. Комментарий к Федеральному закону от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» (постатейный) / А.А. Байтенова, Ю.Н. Васильева, М.А. Коханова, А.А. Соломкин // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гусев М. Признание недействительным решения общего собрания СНТ: Судебная практика Мособлсуда за декабрь 2020 года / М. Гусев, А. Дурнева, В. Жук // Жилищное право. 2021. № 3. С. 83–91.

3. Егоров А.В. Права на пространство в здании. Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 64 / А.В. Егоров, М.А. Церковников // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 2. С. 48–97.

4. Кирякова О.Г. Новеллы жилищного законодательства: формы проведения общих собраний собственников жилья / О.Г. Кирякова // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 1. С. 9–11.

5. Лескова Ю.Г. Саморегулирование строительной деятельности в условиях цифровой экономики на фоне распространения коронавирусной инфекции (пандемии): некоторые проблемы теории и практики в аспекте создания законодательных условий стабильности гражданского оборота / Ю.Г. Лескова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 7. С. 31–43.

6. Филатова У.Б. Концепция развития института общей собственности в России и за рубежом / У.Б. Филатова. Москва : Юрлитинформ, 2013. 224 с.

7. Шевченко И.М. О некоторых вопросах оспаривания решений собрания кредиторов в делах о банкротстве / И.М. Шевченко // Закон. 2020. № 9. С. 66–78.

References

1. Baytenova A.A. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 18 iyulya 2009 g. № 190-FZ «O kreditnoy kooperatsii» (postateyn'y) [A Commentary on Federal Law No. 190-FZ of July 18, 2009 On Credit Cooperation (Article-by-Article)] / A.A. Baytenova, Yu.N. Vasilyeva, M.A. Kokhanova, A.A. Solomkin // SPS «KonsultantPlyus» — ConsultantPlus reference legal system.

2. Gusev M. Priznanie nedeystvitel'ny'm resheniya obschego sobraniya SNT: Sudebnaya praktika Mosoblsuda za dekabr 2020 goda [Acknowledgment of a Resolution of the General Meeting of a Gardeners' Non-Commercial Partnership Invalid: The Judicial Practice of the Moscow Regional Court for December 2020] / M. Gusev, A. Durneva, V. Zhuk // Zhilishchnoe pravo — Housing Law. 2021. № 3. S. 83–91.

3. Egorov A.V. Prava na prostranstvo v zdanii. Kommentariy k postanovleniyu Plenuma VAS RF ot 23.07.2009 № 64 [Rights to Space in a Building. A Commentary on Ruling of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation No. 64 of July 23, 2009] / A.V. Egorov, M.A. Tserkovnikov // Vestnik Vy'sshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii — Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. 2010. № 2. S. 48–97.

4. Kiryakova O.G. Novelly` zhilishchnogo zakonodatelstva: formy` provedeniya obschikh sobraniy sobstvennikov zhilya [Novelties of Housing Legislation: Forms of Holding of General Meetings of Homeowners] / O.G. Kiryakova // Aktualny'e problemy` sovremennosti: nauka i obschestvo — Relevant Problems of the Modern Times: Science and Society. 2016. № 1. S. 9–11.

5. Leskova Yu.G. Samoregulirovanie stroitelnoy deyatel'nosti v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki na fone rasprostraneniya koronavirusnoy infektsii (pandemii): nekotory'e problemy` teorii i praktiki v aspekte sozdaniya zakonodatelny`kh usloviy stabilnosti grazhdanskogo oborota [Self-Regulation of Construction Activities in the Digital Economy Conditions against the Background of the Spread of the Coronavirus Infection (Pandemic): Some Problems of the Theory and Practice within the Framework of the Creation of Legislative Conditions for the Stability of Civil Turnover] / Yu.G. Leskova // Zakony` Rossii: opyt, analiz, praktika — Russian Laws: Experience, Analysis, Practice. 2020. № 7. S. 31–43.

6. Filatova U.B. Kontseptsiya razvitiya instituta obschey sobstvennosti v Rossii i za rubezhom [The Concept of the Development of the Common Property Institution in Russia and Abroad] / U.B. Filatova. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2013. 224 s.

7. Shevchenko I.M. O nekotory`kh voprosakh osparivaniya resheniy sobraniya kreditorov v delakh o bankrotstve [On Some Issues of Challenging of Resolutions of a Meeting of Creditors in Bankruptcy Cases] / I.M. Shevchenko // Zakon — Law. 2020. № 9. S. 66–78.

Порядок использования технологии искусственного интеллекта для снижения отдельных видов предпринимательских рисков

Васютин Владимир Александрович,

помощник юриста в Обществе с ограниченной ответственностью «Юст»

vladimirvasutin1997@mail.ru

В современном мире все больше приветствуется развитие новых технологий, их внедрение в различные бизнес-процессы. Так, известные компании в целях снижения расходов на персонал, а также в целях снижения своих деловых рисков используют различные информационные системы и программное обеспечение. В связи с чем нами будут рассмотрены самые распространенные деловые риски, которые могут быть минимизированы или которые предприниматели стремятся и пробуют снизить, используя и разрабатывая такие системы, которые сегодня в обществе называют искусственным интеллектом. В связи с чем следует соглашаться с высказываем И.В. Ершовой, которая полагает, что «современные потребности общества в сочетании с созданной на сегодняшний день необходимостью удаленного взаимодействия существенно повысили значимость цифровых решений в реализации масштабных экономических и социальных задач, стоящих перед государственными органами и бизнесом»¹.

В соответствии с Указом Президента РФ² искусственный интеллект необходим для повышения безопасности сотрудников при выполнении бизнес-процессов, т.е. для снижения рисков для жизни и здоровья работников, что также является деловым риском.

В законодательстве Российской Федерации³ искусственный интеллект определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека.

На современном этапе развития правовой мысли и законодательства в области регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом,

ученые выделяют отдельное направление — киберфизическое право⁴.

О.В. Сушкова полагает, что организациям, которые в настоящее время имеют намерение использовать технологию искусственного интеллекта в своей деятельности, важно понимать и предвидеть те последствия, которые могут наступить при использовании такой технологии. В отличие от ранних периодов внедрения различных технических новшеств, существующая и предлагаемая система автоматизации заключается в том, что 1) характер деловой активности среди субъектов гражданского и предпринимательского оборота, а также уполномоченных государственных органов изменился таким образом, что многие субъекты осуществляют свою деятельность, используя различные технологические платформы; 2) технология искусственного интеллекта, скорее окажет серьезное технологическое влияние на те профессиональные сферы деятельности, специалисты которых осуществляют интеллектуальную работу; 3) технология искусственного интеллекта может повлиять на связи между государственными органами и субъектами предпринимательской деятельности⁵.

Таким образом, мы наблюдаем становление нового направления, или института права, регулирующего отношения с цифровым элементом. Говорим ли мы о новой отрасли права — вопрос, решение которого займет еще немного времени, в течение которого сами технологии разовьются настолько, чтобы было возможно понять, каким образом отношения с их участием можно регулировать. И все же перспектива развития новой отрасли права представляется достаточно реальной.

В 2016 г. по заявлению пресс-службы Сбербанка искусственный интеллект сможет принимать 80% всех решений. Такое заявление было рассчитано на то, что в ближайшие пять лет с момента заявления разработчики искусственного интеллекта смогут справиться с поставленной задачей. До настоящего времени Сбербанк не отчитался о результатах работы в указанном направлении, однако уже сегодня мы видим серьезные изменения в работе банка.

¹ Алтухов А.В., Ершова И.В., Кашкин С.Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.

² Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

³ Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

⁴ Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.

⁵ Сушкова О.В. Значение технологии искусственного интеллекта в деятельности Патентного ведомства и в предпринимательской сфере // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : монография : в 4 т. Т. 3, отв. ред. С.Д. Могилевский, Ю.Г. Лескова, С.А. Карелина, В.Д. Рузанова, О.В. Шмалий, О.А. Золотова, О.В. Сушкова. М. : Проспект, 2020. С.190–198.

Так, используются чат-боты, которые подсказывают клиентам банка различные решения возникших проблем начиная от простых технических, заканчивая предоставлением справок, расчетов наиболее выгодных предложений и прогнозов.

Отдельным направлением в развитии использования умных роботов стали робоэдвайзинг и алготрейдинг. Эти инструменты помогают пользователям банка в вопросах покупки иностранной валюты, инвестирования в банковские депозиты и использования финансовых инструментов (покупка акций, облигаций и другие).

Современные пользователи банка в большинстве своем — активные пользователи Интернета, поэтому анализ данных о посещенных сайтах и об осуществленных покупках позволяет искусственному интеллекту сформировать специальные предложения для пользователей. Такая функция искусственного интеллекта помогает вовлекать в экономический оборот все больше и больше экономически активного населения, а это значит, что искусственный интеллект увеличивает среднее количество клиентов — предпринимателей любого уровня — малого и среднего, регионального и федерального. Дальнейшее экономическое распределение средств от ритейлеров к поставщикам позволяет в конечном итоге увеличивать капитал производителей и инвестировать его в бизнес для создания более качественных продуктов или для улучшения сервиса.

Отдельной технологией является антифрод. В этом направлении искусственный интеллект анализирует действия клиента и при необычных покупках, не свойственных конкретному клиенту, запрашивает необходимые сведения о покупке во избежание мошеннических операций с использованием банковских данных клиента.

В 2017 г. юридический рынок был шокирован ярким заявлением о том, что юристов могут заменить роботами. Такие программы уже работают в иностранных государствах, так и в Сбербанке роботы-юристы могут написать простое исковое заявление на основе проведенного анализа данных о конкретном клиенте.

Искусственный интеллект заменяет большую часть работников колл-центров. Почему это важно для снижения предпринимательских рисков? Дело в том, что одним из рисков остается некачественное предоставление услуг, нарушение коммуникации при межличностном взаимодействии. Кроме того, переход на автоматизированные системы в этой области позволит снизить количество преступлений, связанных с так называемым телефонным мошенничеством.

Кредитование юридических лиц с 2019 г. стало доступно на базе искусственного интеллекта. Основные риски в данном случае остаются классическими — человеческий фактор при принятии решений, проведение более эффективной проверки заемщиков. Кроме того, существенно сокращается время ожидания решения банка — 7 минут против 2 недель.

Искусственный интеллект способен с помощью алгоритмов и верно настроенных индикаторов определить вероятность увольнения работников, вновь принимаемых на работу⁶. Не стоит недо-

⁶ Сбербанк использует искусственный интеллект при подборе персонала. URL <http://www.kommersant.ru/doc/4132199> (дата обращения: 05.10.2021).

оценивать сферу человеческого капитала организаций, поскольку люди — едва ли не самые важные элементы всей системы бизнес-процессов, именно на работниках держатся все осуществляемые организацией функции. Кадровый голод, высокий уровень «текучести» и их причины могут быть проанализированы и социологами, однако искусственный интеллект уже сегодня показывает оперативные результаты анализа и позволяет эффективно решать задачи, связанные с управлением человеческими ресурсами.

Поэтому, отмечает профессор Ю.Г. Лесковой, на этапе перехода к цифровизации экономики в России, как и во многих других странах, назрел вопрос о смене эпохи бумажных носителей и самописных программ временем крупных информационных систем, направленных на внедрение таких информационных технологий, которые действительно смогут оказать поддержку бизнес-проектам в строительной сфере, и переходе на новый этап — цифровую экономику⁷.

О каких деловых рисках было сказано выше? Может сложиться ощущение, что перечисленные выше риски не являются деловыми. Однако такие риски также следует признавать деловыми, поскольку они, с одной стороны, связаны с ведением предпринимательства (например, для банка), а с другой стороны, позволяют предпринимателям — клиентам банка снизить свои риски при различных финансовых операциях. Кроме того, даже если одной из сторон является физическое лицо, не осуществляющее предпринимательскую деятельность, необходимо учитывать, что любое физическое лицо — потенциальный клиент, а это значит, что внедренные новые технологии, обеспечивающие в первую очередь экономическую безопасность таких клиентов, опосредованно снижают и риски для всех производителей и продавцов товаров, поскольку позволяют сохранить денежные массы в руках обычного населения и стимулировать (или обеспечивать) бесперебойный экономический оборот.

Кроме описанных выше рисков, которые снижаются при помощи искусственного интеллекта, можно выделить также прогнозирование неуплаты заемщиком кредита в срок, блокировку подозрительных транзакций, контроль работников финансовых организаций во избежание утечки инсайдерской информации, поиск надежных контрагентов, отражение кибератак на сервера организаций.

В соответствии с дорожной картой развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект»⁸ предполагается развитие технологии в таких направлениях, как компьютерное зрение, обработка естественного языка, распознавание и синтез речи и иные. Искусственный интеллект предлагается использовать в сферах сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых, обрабатывающего производства, обеспечения электрической энергией, газом, строительства, торговли, гостиничного бизнеса,

⁷ Лескова Ю.Г. Применение информационных (цифровых) технологий в саморегулировании как условие развития строительной отрасли и правового регулирования // Гражданское право. 2018. № 5. С. 9–11.

⁸ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

финансовой и страховой деятельности и в области информации и связи.

Необходимо отметить активную совместную работу между государством и крупными субъектами предпринимательской деятельности. Так, Президентом РФ было поручено заключить соглашения о намерениях с ПАО «Сбербанк России», Госкорпорациями «Росатом» и «Ростех», ПАО «Ростелеком» и ОАО «Российские железные дороги» в целях развития высокотехнологичных направлений⁹.

В соответствии с Указом Президента РФ доступ к информационным технологиям, в том числе к искусственному интеллекту, должен быть обеспечен с любого устройства¹⁰ в ближайшие 10–15 лет¹¹.

В результате проведенного исследования в части предпринимательского риска можно заключить, что деловой риск — базовая категория частного права, а также основополагающая категория экономической теории, обеспечивающая рыночные механизмы.

Несмотря на некоторые расхождения в определении понятия предпринимательского риска в экономической и правовой теориях, общее представление об этой категории сформировано в научном сообществе. Вместе с тем необходимо отметить, что концептуальные подходы понимания предпринимательского риска как последствий или деятельности вызывают серьезные опасения у представителей научного сообщества¹².

Несмотря на то что для снижения предпринимательских рисков сегодня только начинают осуществлять первые попытки разработки программ, они уже далеко продвинулись в результатах. Однако не стоит забывать и о рисках, которые несет в себе искусственный интеллект. В первую очередь вопрос касается этической стороны. При создании искусственного интеллекта разработчикам необходимо выработать такие алгоритмы, которые не позволят роботам дискриминировать какие-либо группы населения.

Таким образом, на основе проведенного анализа автор сделал вывод о том, что предприниматели при необходимости использования искусственного интеллекта для снижения рисков дают согласие на использование своих данных для решения конкретных проблем, «поставляя» данные искусственному интеллекту, который исследует их и помогает снизить риски. Данные, которые предоставляются для анализа искусственного интеллекта в целях выявления предпринимательских (деловых) рисков предпринимателями, которые присоединились к использованию искусственного интеллекта, могут содержать в себе сведения, имеющие ценность для

предпринимателя в том числе и потому, что они не известны другим лицам. Следовательно, они должны подлежать правовой охране соответствующими инструментами. Для обеспечения надлежащей правовой охраны эти данные можно либо признать в качестве ноу-хау (ст. 1465 ГК РФ), либо обеспечивать их охрану в режиме коммерческой тайны (ст. 3 Федерального закона «О коммерческой тайне»).

Литература

1. Алтухов А.В. Платформенное право как драйвер развития инноваций / А.В. Алтухов, И.В. Ершова, С.Ю. Кашкин // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.
2. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / В.А. Лаптев // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
3. Лескова Ю.Г. Применение информационных (цифровых) технологий в саморегулировании как условие развития строительной отрасли и правового регулирования / Ю.Г. Лескова // Гражданское право. 2018. № 5. С. 9–11.
4. Сушкова О.В. Значение технологии искусственного интеллекта в деятельности Патентного ведомства и в предпринимательской сфере / О.В. Сушкова // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России. В 4 томах. Т. 3 : монография / ответственные редакторы С.Д. Могилевский, Ю.Г. Лескова, С.А. Карелин [и др.]. Москва : Проспект, 2020. С. 190–198.

References

1. Altukhov A.V. Platformennoe pravo kak drayver razvitiya innovatsiy [Platform Law as an Innovation Development Driver] / A.V. Altukhov, I.V. Ershova, S.Yu. Kashkin // Predprinimatelskoe pravo — Entrepreneurial Law. 2020. № 4. S. 17–24.
2. Laptev V.A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost za ego rabotu [The Concept of Artificial Intelligence and the Legal Liability for its Operations] / V.A. Laptev // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki — Law Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 2. S. 79–102.
3. Leskova Yu.G. Primenenie informatsionnykh (tsifrovyykh) tekhnologiy v samoregulirovaniy kak usloviye razvitiya stroitelnoy otrasli i pravovogo regulirovaniya [The Use of Information (Digital) Technologies in Self-Regulation as a Condition for the Development of the Construction Industry and the Legal Regulation] / Yu.G. Leskova // Grazhdanskoe pravo — Civil Law. 2018. № 5. S. 9–11.
4. Sushkova O.V. Znachenie tekhnologii iskusstvennogo intellekta v deyatel'nosti Patentnogo vedomstva i v predprinimatelskoy sfere [The Importance of the Artificial Intelligence Technology in Operations of the Patent Office and in the Entrepreneurial Sphere] / O.V. Sushkova // Pravo i biznes: pravovoe prostranstvo dlya razvitiya biznesa v Rossii. V 4 tomakh. T. 3 : monografiya / otvetstvennyye redaktory S.D. Mogilevskiy, Yu.G. Leskova, S.A. Karelina [i dr.] — Law and Business: The Legal Environment for Business Development in Russia. In 4 volumes. Vol. 3 : monograph / publishing editors S.D. Mogilevsky, Yu.G. Leskova, S.A. Karelin [et al.]. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2020. S. 190–198.

⁹ Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта, утвержденный Президентом Российской Федерации 12 июня 2019 г. № Пр-1030 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

¹¹ Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

¹² Лубягина Д.В. Общее представление о «риске» в гражданском праве России. URL: <http://www.arbitr.ru/miscellany/U18S845E55255-Общее-представление-о-«риске»-в-гражданском-праве-россии> (дата обращения: 02.10.2021).

Правовая синергия государственно-частного партнерства и ЕРСМ-контракта в нефтегазовой отрасли как фактор эффективного пространственного развития территорий

Барков Алексей Владимирович,
профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии,
доктор юридических наук, профессор
barkov_a_v@mail.ru

Завьялов Михаил Михайлович,
магистр Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
Mmik11@yandex.ru

В условиях мировой нестабильности модернизация энергетического сектора служит драйвером обеспечения социально-экономического, экологического благополучия и безопасности граждан и государства. Корпоративная ответственность и солидарность функционального назначения бизнеса и государства¹ совпадают в рамках реализации проектов ГЧП. Существенная часть налоговых поступлений в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации приходится на крупнейших налогоплательщиков нефтегазовой отрасли². В условиях промышленной революции и энергетического перехода к концепции «зеленой» промышленности требуются значительные инвестиции в модернизацию энергетического сектора, являющегося фундаментальной основой развития экономики. Благодаря энергетике обеспечивается создание производства с высокой добавленной стоимостью, создание рабочих мест, развитие логистических и товарных цепочек. В отрыве от энергетических мощностей невозможно создать и обеспечить устойчивые темпы производства, обеспечить функционирование органов государственной власти и реализацию социально-экономических и экологических гарантий государства перед гражданами.

С развитием экономики и усложнением договорных конструкций в экономическом обороте появились особые виды договорных отношений в области реализации комплексного создания и сопровождения промышленных проектов. К таким соглашениям следует отнести договоры на выполнение крупных капитальных проектов, а именно договоры на условиях ЕРС (engineering, procurement, construction or elements), услуги генподрядчика (проектирование, закупки, строительство или составляющие) и договоры ЕРСМ (engineering & procurement services and construction management), услуги по проектированию

и закупкам, а также по управлению строительством³. Несмотря на нестандартную форму договоров, их концептуальное содержание схоже с ГЧП и находит отражение в типовых нефтесервисных договорах. В частности, при реализации ЕРСМ заказчик (государство) по результатам выполненных подрядчиком обязанностей получает готовый объект, который сможет эксплуатировать по назначению, указанному в контракте, или извлекать прибыль от его эксплуатации подрядчиком. Это означает, что в обязанности подрядчика будут входить инжиниринг, проектирование, строительство и управление проектом.

Многие годы нефтегазовая промышленность была драйвером развития наукоемких отраслей, финансировала фундаментальные научные исследования в различных отраслях и сферах экономики, однако в условиях необходимости экологической модернизации производства и логистических цепочек, в условиях мировой нестабильности создается риск возникновения кризиса рентабельности нефтегазового и нефтехимического комплекса промышленности. Невозможность привлечения в совместные проекты иностранных инвесторов на фоне экономического спада, рост долговой нагрузки и возрастание суммы капитальных вложений для производства экологически чистого сырья и товаров создает риск банкротства крупнейших налогоплательщиков страны. Перечисленные обстоятельства создают угрозу снижения числа рабочих мест, налоговой базы консолидированного бюджета бюджетной системы Российской Федерации, подрыва плановых национальных целей развития и угрозу для экономической безопасности государства⁴.

¹ Барков А.В., Гришина Я.С. Корпоративная социальная ответственность версии 2.0 как фактор правового обеспечения высоких стандартов экологического благополучия // Гражданское право. 2021. № 3. С. 31–34.

² Завьялов М.М. Влияние экономической политики государства на устойчивый экономический рост субъектов Российской Федерации // Самоуправление. 2021. № 3 (125). С. 300–303.

³ Романова В.В. Особенности правового регулирования внешне-экономических сделок в сфере энергетики // Международное публичное и частное право. 2016. № 1. С. 16–21.

⁴ Leskova Ju.G., Rudenko E.Yu., Netishinskaya L.F., Kotov I. Assessment of the level of economic security of construction companies // E3S Web Conf. Volume 244, 2021. XXII International Scientific Conference Energy Management of Municipal Facilities and Sustainable Energy Technologies (EMMFT-2020). URL: https://www.e3sconferences.org/articles/e3sconf/ref/2021/20/e3sconf_emmft2020_10034/e3sconf_emmft2020_10034.html

Трудно оценить реальное влияние экономической политики государства на устойчивый экономический рост субъектов РФ в условиях разрыва логистических цепочек на фоне пандемии COVID-19 и санкционного давления при реализации финансовой политики⁵. По различным оценкам, экологическая модернизация производства обойдется в сумму, приравненную к 100 трлн долл. США⁶. Внедрение углеродного налога⁷ и воздействие на нефтегазовый сектор механизма продажи квот⁸ на углеродные выбросы создают риски для стабильного функционирования энергетической отрасли. Однако существующий механизм ГЧП не позволяет в полной мере реализовать меры функциональной взаимной инвестиционной поддержки национальных проектов государства и частных интересов предпринимателей⁹.

Безусловно, действующие элементы ГЧП содержат правовые условия в части определения обязательных элементов соглашения и вариативных, схожих с условиями ЕРСМ-контракта, однако механизмы реализации отличаются. В случае рассмотрения существенных приоритетов при реализации ЕРСМ-контракта выступают принципы экономичности, эффективности и результативности¹⁰, которым рекомендовано уделять внимание высшим органам внешнего государственного аудита. Вариативность контрактных условий, с декларативной возможностью передачи прав и обязанностей по исполнению условий ГЧП, при завершении этапа его реализации иному лицу на основании ст. 6 Федерального закона о ГЧП¹¹ создает риски неисполнения важных государственных задач. Недопустимость разрыва цепочки ответственного исполнения и реализации контракта требует законодательных изменений. Предлагается внести дополнения в п. 6 ст. 6 Закона в следующей редакции: «Контракты государственно-частного партнерства, реализуемые в промышленных секторах экономики, предусматривающие в числе этапов реализации строительство капитальных сооружений и строений, а равно их реконструкцию и ввод в эксплуатацию, подлежат заключению с единственным подрядчиком, обладающим правом привлечения третьих лиц для реализации проекта, с согласия публичного партнера. Суммы финансирования и пределы бюд-

жетного субсидирования государственно-частного партнерства не могут изменяться ввиду дополнительных издержек третьих лиц».

Одним из концептуальных камней преткновения реализации ГЧП становится альтернативность выбора конечного исполнителя проекта. Фактически закон обязывает частного партнера в п. 2 ст. 8 при исполнении права о предложении реализации проекта направить публичному партнеру проект реализации, содержащий в себе финансово-правовую документацию проекта, а также, одновременно с направлением предложения публичному партнеру, предоставить последнему независимую банковскую гарантию в объеме не менее 5% объема прогнозируемого финансирования проекта. Данное условие подрывает финансовую стабильность инвестора, поскольку при реализации крупных проектов в сфере промышленного строительства сумма его реализации исчисляется десятками миллиардов рублей. Кроме того, при рассмотрении публичным партнером предложения о реализации проекта последний вправе запросить у инициатора дополнительные документы, проводить переговоры, срок которых не может превышать 90 дней.

Вместе с тем ряд проектов по строительству нефтеперерабатывающих заводов в частном секторе может длиться годами по причине сложности учета мнения согласования условий соглашений. Однако законодатель предоставляет для этого трехмесячный срок. В случае успешного проведения переговоров с профильными министерствами и ведомствами документация в течение 10 дней направляется в полномочный орган, который также в трехмесячный срок, без возможности внесения исправлений в документацию, проводит аудит по оценке эффективности проекта.

Проверочные мероприятия, реализуемые без прямых консультаций с инвестором — частным партнером, в совокупности с непрозрачной системой формирования позиции полномочного органа вызывают сложности фактической реализации проекта, который может быть отклонен на основании формальных оснований или субъективного мнения членов уполномоченного органа власти. Отклонение проекта вызывает обязанность у инициатора идти по замкнутому кругу согласовательных процедур до момента успешного согласования ГЧП-проекта. Однако в конце пути его может ожидать неприятная новость о назначении конкурса с целью определения подрядчика для исполнения проекта ГЧП с полным отсутствием гарантий и механизмов преимущественного права реализации для корпорации, которая в меньшей мере полгода согласовательных процедур несет финансовые издержки на подготовку документации, экспертиз и банковской гарантии в сумме не менее 5% от суммы проекта.

Вышеизложенная схема возложения расходов на частного партнера — инициатора проекта вызывает не только подрыв доверия к механизму ГЧП в целом, но и вопросы о рациональности подобного сотрудничества. Складывается ситуация, когда инвестор вкладывает колоссальные средства на подготовку проекта, которые могут поставить юридическое лицо на грань банкротства, а в конечном счете заключение партнерского соглашения происходит в рамках конкурсных процедур с третьим лицом. В рамках нивелирования финансово-правовых рисков реализации ГЧП и создания реальной заинтересованности у крупного капитала для осуществления вложений в национальные проекты и пространственное развитие территорий предлагаем пересмотреть саму концепцию и порядок заключения соглашений.

⁵ Никлаус В.С., Завьялов М.М. Финансовая политика Российской Федерации в санкционных условиях // Самоуправление. 2019. Т. 2. № 4 (117). С. 103–106.

⁶ Углеродный налог ЕС на подходе. URL: <https://oilcapital.ru/article/general/22-03-2021/uglerodnyy-nalog-es-na-podhode> (дата обращения: 10.10.2021).

⁷ Литвин А.Г., Завьялов М.М. Избежание двойного налогообложения: углеродный налог и государственные заверения // Финансовый бизнес. 2021. № 10.

⁸ EU Emissions Trading System (EU ETS). URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/ets_en (дата обращения: 10.10.2021).

⁹ Барков А.В., Серова О.А. Государственно-частное партнерство на рынке социальных услуг в свете развития социального предпринимательства: проблемы гармонизации правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 33. С. 268–280.

¹⁰ ISSAI 300 Основополагающие принципы аудита эффективности. URL: <https://www.eurosa.org/handle/404?exporturi=/export/sites/eurosa/.content/documents/others/ISSAI/ISSAI-300-ruso.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

¹¹ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

В данный момент инициативы частного партнера-инвестора рассматриваются на уровне субъекта РФ, что создает риски возникновения коррупционной составляющей, по причине непрозрачности процедур и ограниченности сроков согласования соглашения в совокупности со значительными финансовыми затратами, возникающими у инициатора. Предлагается определить для реализации механизмов ГЧП единый орган согласования и принятия решений на территории федерального округа — аппарат полномочного представителя Президента РФ. В спектр полномочий последнего¹² предлагается внести обязанность создания проектных офисов рассмотрения, согласования и контроля за исполнением соглашений о ГЧП. По причине сложности реализации проектов, затрагивающих интересы и различных субъектов, и территорий, рациональным представляется внедрение единых механизмов принятия решений на уровне федеральной власти в лице полномочного представителя Президента РФ. Отсутствие единого уполномоченного органа принятия решений вынуждает бизнес лоббировать собственные интересы посредством коррупционного взаимодействия¹³ с органами государственной власти.

Участие корпораций в ГЧП осуществляется в рамках национальных программ и служит драйвером¹⁴ экономического развития территорий государства. При реализации партнерских правоотношений между государством и частным капиталом первый субъект нацелен на эффективное достижение устойчивых целей развития, в то время как второй вынужден учитывать рыночную рентабельность проектов с учетом затрат на коммерческий лоббизм в части согласования условий контракта. Ограниченные сроки согласования условий ГЧП, жесткие условия контрактов, невозможность гибкого изменения сроков и порядка реализации проектов создают риски для отечественных инвесторов, которые не позволяют определить коммерческий интерес реализации проекта.

Анализируя зарубежный опыт, необходимо отметить, что государство посредством публичных дискуссий и представления проектов указывает частному капиталу на желаемые цели и показатели реализации национальных программ. В эпоху цифровизации и ускорения бизнес-процессов реализация долгосрочных экономических проектов требует быстрого реагирования, гибкости при взаимодействии и взаимного учета интересов субъектов соглашения. Декларируя необходимость привлечения частного капитала в рамках исполнения государством своих социальных функций, необходимо учитывать специфику корпоративного управления и коммерческие интересы организаций. Экологическая модернизация нефтегазовой отрасли не является исключением из правил учета взаимных интересов. Предполагаемые значительные капитальные вложения при реализации технологического переустройства и экологической модернизации производств создают риск банкротства юридических лиц, а следовательно, закрытия отдельных предприятий.

¹² Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // СЗ РФ. 2000. № 20. Ст. 2112.

¹³ Адамская Л. В. Коррупция как препятствие для гармоничного развития государственно-частного партнерства // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 1. С. 69–71.

¹⁴ Завьялов М. М. Корпорации как функциональный драйвер государственности в условиях турбулентности // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 2. С. 126–129.

По причине значительного количества федеральных национальных проектов и межрегиональных целей устойчивого развития территорий необходимо отметить, что создание единого проектного офиса на территории федерального округа снизит риски возникновения условий сепаратизма и недопустимого субъективного эгоистического лоббизма локальных интересов представителей региональных элит. Факторная модернизация института полномочного представительства Президента РФ в федеральных округах с созданием возможности для совмещения должностей полномочного представителя Президента РФ и исполнения обязанностей вице-преьера Правительства РФ с учетом аппаратных возможностей надрегионального характера позволит реализовывать совместные проекты на территории федеральных округов, создавать и формировать логистические и экономические цепочки взаимодействия между субъектами, выстраивать конкуренцию между субъектами РФ в рамках привлечения частных инвестиций, формировать условия для внутренней миграции и роста благосостояния граждан. Авторами предлагается установить административное подчинение руководства субъектов РФ полномочным представителям Президента РФ в федеральных округах.

ГЧП позволяет предоставить спектр правовых и налоговых гарантий для частного капитала, указать на чувствительные точки пространственного развития территорий, привлечь корпоративный сектор к участию в национальных проектах на всех уровнях государственной власти. Внедрение механизмов ЕРСМ-контрактов дополнительно установит гибкие условия инжиниринга, проектирования, строительства и управления долгосрочными проектами, а также снизит риск исполнения контракта по причине реализации полного цикла единственным исполнителем с привлечением третьих лиц при согласии публичного партнера. Включение в соглашение о ГЧП долгосрочных коррелирующих условий по реализации условий договора в каждом цикле реализации контрактных обязательств позволит снизить государственные издержки и достигнуть высокой эффективности государственных программ при реализации национальных целей развития, а также создать условия обеспечения высокого уровня привлечения внутренних инвестиций на основе согласованного механизма контроля взаимодействия и согласования базовых условий контрактных обязательств. Кроме того, внедрение вышеизложенного механизма позволит снизить проектные издержки в контрактных обязательствах, создать гибкость управления проектом и возможность рационального перераспределения финансовых потоков.

В рамках концепции пространственного развития территорий авторами предлагается модернизация законодательного регулирования проектов ГЧП с созданием новой национальной парадигмы привлечения частного капитала на основе зарубежного опыта реализации проектов ЕРСМ-контрактов. С целью создания благоприятного инвестиционного климата, нивелирования бюрократических механизмов и содействия реализации национальных проектов посредством пространственного развития территорий предлагается внести в механизм реализации ГЧП следующие условия о:

1) создании федеральных проектных офисов согласования и сопровождения ГЧП с передачей полномочий полномочным представителям Президента РФ в федеральных округах;

2) отмене условия о предоставлении публичному партнеру на стадии переговорного процессе обяза-

тельной банковской или иной независимой гарантии;

3) обязательности заключения соглашений полного цикла по принципам ЕПСМ-контрактов при реализации ГЧП в промышленных секторах экономики с приоритетом заключения соглашения для частного партнера — инициатора проекта;

4) обязанности финансовой компенсации фактически понесенных и документально подтвержденных расходов инициатором проекта на стадии согласования и подготовки проектно-сметной документации со стороны частного партнера, который в рамках конкурсных процедур получает право реализации соглашения;

5) внедрении публичного реестра целей устойчивого развития с разбивкой по субъектам и отраслям экономики, а также указанием плановых показателей целей национального развития для возможности анализа рисков долгосрочного экономического инвестирования у частных партнеров-инвесторов, при инициативе реализации ГЧП.

Литература

1. Адамская Л.В. Коррупция как препятствие для гармоничного развития государственно-частного партнерства / Л.В. Адамская // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 1. С. 69–71.
2. Барков А.В. Государственно-частное партнерство на рынке социальных услуг в свете развития социального предпринимательства: проблемы гармонизации правового регулирования / А.В. Барков, О.А. Серова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 33. С. 268–280. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-268-280.
3. Барков А.В. Корпоративная социальная ответственность версии 2.0 как фактор правового обеспечения высоких стандартов экологического благополучия / А.В. Барков, Я.С. Гришина // Гражданское право. 2021. № 3. С. 31–34.
4. Завьялов М.М. Влияние экономической политики государства на устойчивый экономический рост субъектов Российской Федерации / М.М. Завьялов // Самоуправление. 2021. № 3 (125). С. 300–303.
5. Завьялов М.М. Корпорации как функциональный драйвер государственности в условиях турбулентности / М.М. Завьялов // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 2. С. 126–129.
6. Литвин А.Г. Избежание двойного налогообложения: углеводородный налог и государственные заверения / А.Г. Литвин, М.М. Завьялов // Финансовый бизнес. 2021. № 10 (220). С. 25–27.
7. Никлаус В.С. Финансовая политика Российской Федерации в санкционных условиях / В.С. Никлаус, М.М. Завьялов // Самоуправление. 2019. Т. 2. № 4 (117). С. 103–106.
8. Романова В.В. Особенности правового регулирования внешнеэкономических сделок в сфере энергетики / В.В. Романова // Международное публичное и частное право. 2016. № 1. С. 16–21.
9. Leskova Ju.G. Assessment of the level of economic security of construction companies / Ju.G. Leskova, E.Yu. Rudenko, L.F. Netishinskaya, I. Kotov // XXII International Scientific Conference Energy Management of Municipal Facilities and Sustainable Energy Technologies (EMMFT-2020) (Proceedings of a meeting held 8–10 December 2020, Voronezh, Russia). E3S Web Conf. Volume. Vol. 244 / eds. by V. Breskich, S. Uvarova. Curran Associates, Inc., 2021. P. 10034.

References

1. Adamskaya L.V. Korruptsiya kak prepyatstvie dlya harmonichnogo razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Corruption as an Obstacle for the Harmonious Development of Public-Private Partnership] / L.V. Adamskaya // Gumanitarny'e nauki. Vestnik Finansovogo universiteta — The Humanities. Bulletin of the Financial University. 2020. Vol. 10. № 1. S. 69–71.
2. Barkov A.V. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo na ry'nke sotsialny'kh uslug v svete razvitiya sotsialnogo predprinimatelstva: problemy' garmonizatsii pravovogo regulirovaniya [Public-Private Partnership on the Market of Social Services in View of the Development of Social Entrepreneurship: Problems of Harmonization of the Legal Regulation] / A.V. Barkov, O.A. Serova // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki — Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2016. № 33. S. 268–280. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-268-280.
3. Barkov A.V. Korporativnaya sotsialnaya otvetstvennost' versii 2.0 kak faktor pravovogo obespecheniya vy'sokikh standartov ekologicheskogo blagopoluchiya [Corporate Social Responsibility 2.0 as a Factor of the Legal Support of High Environmental Well-Being Standards] / A.V. Barkov, Ya.S. Grishina // Grazhdanskoe pravo — Civil Law. 2021. № 3. S. 31–34.
4. Zavyalov M.M. Vliyaniye ekonomicheskoy politiki gosudarstva na ustoychivyy ekonomicheskiy rost subyektov Rossiyskoy Federatsii [The Influence of the State Economic Policy on the Sustainable Economic Growth of the Constituent Entities of the Russian Federation] / M.M. Zavyalov // Samoupravlenie — Self-Government. 2021. № 3 (125). S. 300–303.
5. Zavyalov M.M. Korporatsii kak funktsionalnyy drayver gosudarstvennosti v usloviyakh turbulentsnosti [Corporations as a Functional Driver of Nationhood in Turbulent Conditions] / M.M. Zavyalov // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki — Problems of Economics and Legal Practice. 2019. Vol. 15. № 2. S. 126–129.
6. Litvin A.G. Izbezhanie dvoynogo nalogooblozheniya: uglevodородny'y налог i gosudarstvenny'e zavereniya [Avoidance of Double Taxation: The Hydrocarbon Tax and State Assurances] / A.G. Litvin, M.M. Zavyalov // Finansovy'y biznes — Financial Business. 2021. № 10 (220). S. 25–27.
7. Niklaus V.S. Finansovaya politika Rossiyskoy Federatsii v sanktsionny'kh usloviyakh [The Financial Policy of the Russian Federation in Conditions of Sanctions] / V.S. Niklaus, M.M. Zavyalov // Samoupravlenie — Self-Government. 2019. Vol. 2. № 4 (117). S. 103–106.
8. Romanova V.V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya vneshneekonomicheskikh sdelok v sfere energetiki [Peculiarities of the Legal Regulation of Foreign Economic Transactions in the Energy Sector] / V.V. Romanova // Mezhdunarodnoye pубличноe i chastnoye pravo — Public and Private International Law. 2016. № 1. S. 16–21.
9. Leskova Ju.G. Assessment of the Level of Economic Security of Construction Companies / Ju.G. Leskova, E.Yu. Rudenko, L.F. Netishinskaya, I. Kotov // XXII International Scientific Conference Energy Management of Municipal Facilities and Sustainable Energy Technologies (EMMFT-2020) (Proceedings of a meeting held 8–10 December 2020, Voronezh, Russia). E3S Web Conf. Volume. Vol. 244 / eds. by V. Breskich, S. Uvarova. Curran Associates, Inc., 2021. P. 10034.

Потенциал саморегулирования в области обеспечения биологической безопасности*

Мохов Александр Анатольевич,
заведующий кафедрой медицинского права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)**,
доктор юридических наук, профессор
med-farm-law@mail.ru

Пандемия новой коронавирусной инфекции, а также предпринимаемые на ее фоне административные и законодательные меры поставили на повестку дня ряд серьезных специальных биологических, технических, управленческих, а также социогуманитарных вопросов. Важно также обратить внимание на принятие и вступление в силу положений Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации»¹. С этого момента можно говорить о появлении в России правовых основ государственного регулирования в области обеспечения биологической безопасности.

Данный закон как документ, закрепляющий комплекс мер, направленных на защиту населения и охрану окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, на предотвращение биологических угроз (опасностей), неоднократно используется в своем составе словосочетание «государственное регулирование» и производные от него. Вопрос о саморегулировании, элементах саморегулирования в области биологической безопасности на первый взгляд является закрытым, так как законодатель прямо не предусмотрел такой возможности.

На наш взгляд, такое положение является временным, так как не позволяет в обозримой перспективе эффективно решать задачи, стоящие перед государством, обществом, профессиональным сообществом в области обеспечения биологической безопасности. Потенциал саморегулирования в области обеспечения биологической безопасности может и должен быть задействован. Укажем основные аргументы.

Во-первых, саморегулирование в его широком понимании наряду с «жестким» государственным регулированием становится все более востребованным в областях и сферах деятельности, где «человеческий фактор» играет огромную роль (будь то адвокатура, нотариат, арбитражное управление, аудит и др.), а цена ошибки очень велика. Обеспечение стабильности гражданского оборота,

баланса интересов его субъектов (как продавцов товаров, работ, услуг, так и потребителей) требуют тонкой настройки возникающих правоотношений, наличия различных правовых средств и механизмов, обеспечивающих устойчивость связей (саморегулирование, страхование ответственности, наличие компенсационных фондов, внесудебных процедур защиты прав и др.)². Не являются исключением и сферы экономической деятельности, для которых вопросы обеспечения биологической безопасности стоят довольно остро. К ним относятся как традиционные направления (медицина, фармацевтика, сельское хозяйство, ветеринария и др.), так и инновационные. С развитием биологических технологий, переходом ряда отраслей и секторов экономики на новые принципы (замкнутые технологические циклы, принятие во внимание не только экономической, но и иных видов эффективности, социальной ответственности, экологичность и др.) значимость критерия безопасности будет только возрастать. Стабильное развитие биоэкономики³ немыслимо без обеспечения биологической и иных видов безопасности.

Во-вторых, с позиций теории систем — государственное регулирование и саморегулирование — это сопряженные механизмы, решающие различные задачи⁴ на разных уровнях функциональной системы, но служащие достижению единой цели.

В ст. 3 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» говорится о системном подходе при реализации мероприятий,

² См., например: Лескова Ю.Г. Договор страхования ответственности членов саморегулируемой организации как условие осуществления ими предпринимательской (профессиональной) деятельности // Власть закона. 2014. № 4. С. 38–46; Романовский Г. Необходимо создавать условия для самоорганизации профессионального сообщества // Правовые вопросы в здравоохранении. 2015. № 8. С. 54–59.

³ См. подробнее: Биоэкономика: доктрина, законодательство, практика / отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. М.: Проспект, 2021. 464 с.

⁴ См. подробнее: Мохов А.А. Государственное регулирование и саморегулирование экономической деятельности с позиций теории систем // Государство и право. 2019. № 6. С. 56–65.

¹ СЗ РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 31.

* Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России (тема: Правовое регулирование ускоренного развития генетических технологий: научно-методическое обеспечение. № 730000Ф.99.1.БВ16АА02001).

** Вуз — участник программы «Приоритет-2030».

обеспечивающих биологическую безопасность. Однако в дальнейшем этот подход четко не прослеживается. Мы видим в нем указания лишь на системы мониторинга биологических рисков, информационные и некоторые иные системы. Да и сфера действия закона, подход к пониманию биологической безопасности вызывают вопросы. С одной стороны, закон устанавливает основы государственного регулирования в области обеспечения биологической безопасности и определяет комплекс мер, направленных на защиту населения и охрану окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, на предотвращение биологических угроз (опасностей), что предполагает комплексный подход к обеспечению биологической безопасности, с другой — закрепленный законом перечень мер, направленных на защиту населения и охрану окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, на предотвращение биологических угроз (опасностей), свидетельствует об их неполноте, охвате лишь нескольких групп общественных отношений.

Китай пошел другим путем, понимая под биологической безопасностью в одноименном законе такое состояние общества, при котором нация эффективно предотвращает и реагирует на угрозу опасных биологических и связанных с ними факторов, а жизнь и здоровье людей, экосистема находятся в состоянии относительного отсутствия опасностей и угроз. Комплекс предпринимаемых Китаем⁵ мер при широком подходе к биобезопасности шире, чем в России.

В-третьих, опасные биологические факторы могут появляться на различных этапах жизненного цикла биологических технологий (в период разработки, испытаний, внедрения, применения, утилизации и др.), что также должно учитываться законодателем и управленцами при выработке и реализации политики в области обеспечения биологической безопасности. В законодательном понятии «источник биологической опасности» акцентируется внимание на отдельных видах деятельности. Биологическая угроза на некоторых этапах жизненного цикла биологической технологии, биологического объекта может быть высокой, на некоторых — нет. Наличие тех или иных рисков, угроз влияет на систему требований, предъявляемых к организациям, а также к лицам, работающим с биологическими агентами (например, патогенами). Жизненный цикл таких технологий, объектов обеспечивает, сопровождает довольно значительный круг лиц, имеющих различный правовой статус. Некоторые из них в настоящее время подпадают под сферу действия законодательства о саморегулировании, некоторые — нет. Некоторые инновационные сферы вообще выпадают из поля

зрения законодателя, в то время как именно в них могут быть высокие риски.

В Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» имеется неточность. Например, некоторые группы медицинских и фармацевтических работников занимаются научной и практической деятельностью, сопряженной с биологическими рисками, биологическими угрозами⁶. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют положения анализируемого закона об инфекционных болезнях, связанных с оказанием медицинской помощи.

Специалисты отрасли здравоохранения в своей практике руководствуются нормами медицинской этики и деонтологии, объединяются в профессиональные ассоциации и иные некоммерческие организации. В ст. 29 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁷ закреплено положение о том, что организация охраны здоровья осуществляется на основе государственного регулирования, а также саморегулирования⁸.

В-четвертых, развитие саморегулирования не исключается на основе тех прав, которые предоставлены гражданам и организациям в области обеспечения биологической безопасности. Из прав граждан следует обратить внимание на внесение в компетентные органы предложений о мерах по обеспечению биологической безопасности, а из прав организаций — на право на участие в разработке и реализации мероприятий, направленных на обеспечение биологической безопасности. Согласно ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»⁹, саморегулируемая организация вправе вносить на рассмотрение органов государственной власти РФ предложения по вопросам формирования и реализации политики в отношении предмета саморегулирования.

Также нельзя не обратить внимание на ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», согласно которой по общему правилу членство субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности в саморегулируемых организациях является добровольным. Соответствующая инициатива может идти снизу, от наличия потребности в решении общих проблем (включая безопасность) бизнеса.

⁶ См., например: ст. 22 Федерального закона от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» // СЗ РФ. 1995. № 14. Ст. 1212.

⁷ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁸ Процесс этот носит незавершенный характер; правильнее в настоящее время вести речь о наличии отдельных элементов саморегулирования в отрасли.

⁹ СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.

В-пятых, в ст. 3 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» получил закрепление принцип ответственности личности в области обеспечения биологической безопасности. Ответственность, в том числе юридическая, обеспечивается не только посредством принудительной силы государства, но также и общественным порицанием. Особенно сильное воздействие на нарушителя имеет порицание, вынесенное ему профессиональным сообществом. В настоящее время не меньшее, а порой даже большее значение для нарушителя имеют этические санкции, применяемые к нему негосударственными институтами.

Так, согласно ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹⁰, Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности. В силу ч. 2 ст. 17 закона при нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики статус адвоката может быть прекращен.

Статья 9 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» посвящена контрольным мероприятиям, осуществляемым саморегулируемой организацией в отношении своих членов. Наличие жалобы на нарушение членом саморегулируемой организации установленных стандартов и правил является основанием для проведения внеплановой проверки. В случае выявления нарушения членом саморегулируемой организации требований стандартов и правил саморегулируемой организации к лицу могут быть применены меры дисциплинарного воздействия.

В-шестых, обеспечение биологической безопасности — это не только национальная, но и глобальная проблема. В этой связи вопросам международного сотрудничества, выработки общих рекомендаций в целях обеспечения биологической безопасности уделяется повышенное внимание. Выработанные в будущем международным сообществом рекомендации (в том числе и в отношении развития саморегулирования) могут быть восприняты и реализованы на национальном уровне с целью снижения биологических рисков.

В ст. 15 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации», посвященной международному сотрудничеству в области обеспечения биологической безопасности, имеется пункт об интеграции в межгосударственные и международные системы обеспечения биологической безопасности и в иные международные интеграционные объединения.

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

Пандемия новой коронавирусной инфекции привела к активизации усилий ряда государств по выработке приемлемых решений и механизмов по обеспечению биологической безопасности на глобальном уровне. На самом высоком уровне проводятся совещания, встречи, рабочие группы, в повестке которых стоит ряд вопросов, связанных с запрещением разработки, производства, накопления биологического оружия.

В числе предложений в области обеспечения биологической безопасности все чаще звучат: разработка деловым сообществом стандартов управления биологическими рисками; разработка правил, кодексов поведения для ученых.

Уже в 2006 г. на Конференции КБТО (Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении) была признана важность кодексов поведения и механизмов саморегулирования в области обеспечения биологической безопасности. С 2015 г. некоторые страны начали работу по разработке кодексов и иных правил поведения, обеспечивающих биологическую безопасность.

Следует обратить внимание на Тяньцзиньские руководящие принципы по биологической безопасности для Кодексов поведения для ученых¹¹. Они были разработаны Тяньцзиньским университетом, Университетом Джона Хопкинса, Межакадемическим партнерством и другими участниками. В документе обращается внимание на уважение учеными человеческой жизни и социальной этики, ответственность ученых за использование биологических наук в мирных целях на благо человечества. Научные организации, согласно акту, должны создавать механизмы, обеспечивающие оценку биологических рисков, а также смягчение потенциальных уязвимостей в научной деятельности.

В-седьмых, о наличии развитых институтов саморегулирования в науке, медицине и иных сферах, чувствительных с позиций имеющихся биологических рисков, угроз, также свидетельствует опыт некоторых стран. Так, во многих государствах членство медиков является обязательным в профессиональных ассоциациях, союзах, палатах (США, ФРГ, Франция и др.). В некоторых странах довольно развито саморегулирование, самоуправление в науке (например, ФРГ). Эти субъекты в своей деятельности руководствуются не только правовыми, но и этическими нормами, закрепленными в профессиональных кодексах.

Наш Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-

¹¹ Документ опубликован не был; был предложен для обсуждения 2 сентября 2021 г. на симпозиуме, проходившем в рамках Конвенции по запрещению биологического оружия. См., например: Вонг Эмбер. Китай предложил ввести глобальный кодекс поведения в области биобезопасности // Век. 2021. 10 сентября.

технической политике»¹² закрепляет принцип управления научной и научно-технической деятельностью на основе сочетания принципов государственного регулирования и самоуправления. Однако конкретные формы, механизмы самоуправления в нем не указаны. Отсутствуют до настоящего времени и положения об этике научных исследований, этических кодексах для ученых. В то же время фактически отдельные элементы саморегулирования (самоуправления) и этического обеспечения научной деятельности в России имеются (например, деятельность по государственной аттестации научных кадров, осуществлению политики в области научных публикаций, этичности научных исследований с участием в них человека и др.).

На уже существующей, хотя нормативно недостаточно определенной базе легче выстраивать и реализовывать политику в области биологической безопасности (например, внедрять принципы по биобезопасности для отдельных профессиональных групп).

С учетом имеющихся объективных потребностей в развитии саморегулирования либо его отдельных элементов Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» должен претерпеть изменения.

Статья 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» может быть дополнена ч. 2 следующего содержания: «Принятый в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, Кодекс этики устанавливает обязательные для лиц, указанных в ст. 7.1 настоящего Федерального закона, правила поведения при осуществлении ими профессиональной деятельности».

Статью 3 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» следует дополнить п. 3.1, закрепляющим принцип сочетания государственного регулирования с саморегулированием в области обеспечения биологической безопасности.

Дополнить Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» ст. 7.1 «Права и обязанности работников организаций в области обеспечения биологической безопасности», в которой закрепить категории, права и обязанности работников в области обеспечения биологической безопасности, в том числе обязанность работников организаций (вне зависимости от формы собственности, ведомственной принадлежности и др.) по соблюдению этических норм, а также ответственности за их нарушение.

¹² СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

Литература

1. Биозкономика: доктрина, законодательство, практика / ответственные редакторы А.А. Мохов, О.В. Сушкова. Москва : Проспект, 2021. 464 с.
2. Вонг Эмбер. Китай предложил ввести глобальный кодекс поведения в области биобезопасности / Эмбер Вонг // Век. 2021. 10 сентября.
3. Лескова Ю.Г. Договор страхования ответственности членов саморегулируемой организации как условие осуществления ими предпринимательской (профессиональной) деятельности / Ю.Г. Лескова // Власть закона. 2014. № 4. С. 38–46.
4. Мохов А.А. Государственное регулирование и саморегулирование экономической деятельности с позиций теории систем / А.А. Мохов // Государство и право. 2019. № 6. С. 56–65.
5. Романовский Г. Необходимо создавать условия для самоорганизации профессионального сообщества / Г. Романовский // Правовые вопросы в здравоохранении. 2015. № 8. С. 54–59.

References

1. Bioekonomika: doktrina, zakonodatelstvo, praktika [Bioeconomics: The Doctrine, Laws, Practice] / otvetstvenny'e redaktory` A.A. Mokhov, O.V. Sushkova — publishing editors A.A. Mokhov, O.V. Sushkova. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2021. 464 s.
2. Wong Amber. Kitay predlozhit vvesti globalny'y kodeks povedeniya v oblasti biobezopasnosti [China has Proposed to Introduce a Global Biosecurity Code of Conduct] / Amber Wong // Vek. 2021. 10 sentyabrya — Era. 2021. September 10.
3. Leskova Yu.G. Dogovor strakhovaniya otvetstvennosti chlenov samoreguliruemoy organizatsii kak uslovie osuschestvleniya imi predprinimatelskoy (professionalnoy) deyatelnosti [Agreement on the Insurance of Liability of Members of a Self-Regulated Organization as a Condition for the Performance of Entrepreneurial (Professional) Activities] / Yu.G. Leskova // Vlast zakona — Rule of Law. 2014. № 4. S. 38–46.
4. Mokhov A.A. Gosudarstvennoe regulirovanie i samoregulirovanie ekonomicheskoy deyatelnosti s pozitsiy teorii system [The State Regulation and Self-Regulation of Economic Activities from the Standpoint of the Systems Theory] / A.A. Mokhov // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 2019. № 6. S. 56–65.
5. Romanovsky G. Neobkhodimo sozdatat usloviya dlya samoorganizatsii professionalnogo soobschestva [It Is Necessary to Create Conditions for Self-Organization of the Professional Community] / G. Romanovsky // Pravovy'e voprosy` v zdravookhramenii — Legal Issues in Healthcare. 2015. № 8. S. 54–59.

Ванин В.В., Тихонов В.В.

О значении правовых признаков предпринимательской деятельности для квалификации потребительских договоров

В статье дана критическая оценка релевантности нормативно закрепленных признаков предпринимательской деятельности для правовой квалификации потребительского договора как юридической конструкции, опосредующей отношения между субъектами предпринимательской деятельности и потребителями. Обосновано, что назначение указанной конструкции, заключающееся в выравнивании фактического неравенства сторон в отношениях из потребительского договора, обуславливает необходимость применения признанного в правовой доктрине признака профессионализма предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, договор, потребитель, предприниматель, промысел, профессионализм.

Vitaly V. Vanin, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice, Senior Research Scientist of the Research and Expert Center of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, LL.D., Associate Professor

Vladimir V. Tikhonov, Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law of the South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice, PhD (Law)

On the Meaning of Legal Attributes of Entrepreneurial Activities for the Qualification of Consumer Agreements

The article provides a critical assessment of the relevance of the legally fixed signs of entrepreneurial activity for the legal qualification of a consumer contract as a legal structure mediating relations between business entities and consumers. It is proved that the purpose of this construction, which consists in leveling the actual inequality of the parties in the relationship from the consumer contract, necessitates the use of the recognized in the legal doctrine of the sign of professionalism of entrepreneurial activity.

Keywords: entrepreneurial activity, contract, consumer, entrepreneur, craft, professionalism.

Тарасенко О.А.

О возможности изменения или отмены договора дарения

В фокусе настоящей статьи — критический анализ возможностей изменения или отмены договора дарения. Доказывается, что гражданское законодательство предоставляет его сторонам возможность по взаимному соглашению изменить или расторгнуть договор дарения вне зависимости от фактической передачи предмета дарения. Кроме этого, договор дарения может быть изменен или расторгнут судом по требованию одной из сторон в связи с существенным изменением обстоятельств. Приводятся аргументы в пользу того, что стороны договора дарения вправе согласовать иные (не поименованные в Гражданском кодексе РФ) отменительные условия, которые позволяют полностью или частично возратить дар дарителю. Данные выводы обосновываются актуальным анализом доктрины и правоприменительной практики, в том числе и зарубежной.

Ключевые слова: договор дарения, предмет договора, передача предмета дарения, изменение договора дарения, отмена договора дарения.

Olga A. Tarasenko, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), LL.D., Associate Professor

On the Possibility of Amendment or Cancellation of a Gift Agreement

The focus of this article is a critical analysis of the possibilities of changing or canceling the donation agreement. It is proved that civil legislation provides its parties with the opportunity to change or terminate the donation agreement by mutual agreement, regardless of the actual transfer of the gift object. In addition, the donation agreement may be amended or terminated by the court at the request of one of the parties due to a significant change in circumstances. Arguments are given in favor of the fact that the parties to the donation agreement have the right to agree on other cancellative conditions that allow the gift to be returned to the donor in whole or in part. These conclusions are substantiated by an up-to-date analysis of the doctrine and law enforcement practice, including foreign ones.

Keywords: donation agreement, subject of the contract, transfer of the gift item, modification of the donation agreement, cancellation of the donation agreement.

Бабаков В.А.

Гражданское и энергетическое право: соотношение принципов в контексте публичного и частного интересов

В статье затронуты некоторые практические следствия нерешенности проблемы соотношения отраслей гражданского и энергетического права, в том числе влияющие как на содержание и практическое воплощение, так и на соотношение основных принципов данных отраслей. Доказывается, что нерешенность системных, концептуальных вопросов соотношения гражданского и смежных отраслей права приводит в конечном итоге к существенным дефектам правового регулирования последних, что с неизбежностью влияет и на конституционные гарантии прав и свобод участников соответствующих правоотношений. Указанная проблематика рассматривается не просто с точки зрения конституционного положения, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а с позиций признания сущностно важным содержанием публично-правового интереса установление такого баланса прав участников соответствующих правоотношений, при котором обозначенные в качестве высшей ценности права и свободы имели бы гарантии своей практической реализации. Одним из практических следствий реализации такого подхода является доказанность тезиса о том, что в части регулирования договорных правоотношений между физическими и юридическими лицами — потребителями энергии и энергоснабжающими организациями законодательство должно гарантировать соблюдение всей совокупности принципов гражданского права.

Ключевые слова: гражданское право, энергетическое право, принципы, гарантии прав и свобод.

Vladimir A. Babakov, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, PhD (Law), Associate Professor

Civil and Energy Law: The Correlation of Principles in the Scope of Public and Private Interests

The article covers some practical consequences of the unsolved problem of the correlation between civil and energy law branches including the ones affecting the content, practical implementation and correlation between the key principles of these branches. It is proven that unresolved systemic, conceptual issues of the correlation between civil and related law branches result eventually in significant defects in the legal regulation of the latter, which inevitably affects constitutional guarantees of rights and freedoms of parties to the relevant relations. The mentioned subject is reviewed not just from the standpoint of the constitutional provision that a man, human rights and freedoms are the supreme value, but from the position that the essential content of the public law interest is the establishment of such balance of rights of parties to the relevant relations where the rights and freedoms declared as the supreme value would have practical implementation guarantees. One of the practical consequences of the implementation of this approach is the proof of the statement that the law should guarantee observance of all civil law principles in terms of the regulation of contractual relations of individuals and legal entities that are energy consumers with energy supply companies.

Keywords: civil law, energy law, principles, guarantees of rights and freedoms.

Ганева Е.О.

Некоторые вопросы ответственности за неисполнение рамочного договора

В статье рассматриваются основания привлечения сторон рамочного договора к ответственности за неисполнение основной обязанности заключать последующие договоры и за нарушение общих условий рамочного договора, формы ответственности за неисполнение рамочного договора, а также возможность понуждения к заключению договоров во исполнение рамочного договора. По мнению автора, если стороны в рамочном договоре прямо обязуются заключать отдельные договоры во исполнение рамочного договора, в случае неисполнения этого условия будет наступать самостоятельная договорная ответственность. Когда рамочный договор не содержит положения, прямо предусматривающего обязанность заключать в будущем договоры, возникает подразумеваемое обязательство по их заключению. В таком случае незаключение отдельных договоров не влечет гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: рамочный договор, гражданско-правовая ответственность, неисполнение договора, обязанность заключать договоры.

Ekaterina O. Ganeva, Lecturer of the Department of Civil Law of the Law Institute of the Irkutsk State University, PhD (Law)

Some Issues of Liability for Non-Performance of a Framework Agreement

This article is about the grounds for bringing the parties to the framework agreement to responsibility. The author considers such grounds as non-fulfillment of the main obligation to conclude subsequent contracts and violation of the general terms of the framework agreement. The author also pays attention to the forms of liability for non-fulfillment of the framework agreement, as well as the possibility of coercion to conclude contracts in fulfillment of the framework agreement. According to the author's opinion, if the parties to the framework agreement expressly undertake to conclude separate agreements in pursuance of the framework agreement, in the event of non-fulfillment of this condition, independent contractual liability will ensue. When a framework agreement does not contain a clause, an implied obligation to enter into contracts in the future, an implied obligation to enter into contracts. In this case, failure to conclude separate contracts does not entail civil liability.

Keywords: framework agreement, civil responsibility, non-performance of contract, obligation to conclude contracts.

Серова О.А.

Технологические компании как элемент предпринимательской экосистемы университетов

Актуальным направлением государственной политики в сфере высшего образования является создание малых инновационных предприятий, стартапов в университетах. Они должны стать важнейшим элементом системы технологического предпринимательства и обеспечить конкурентоспособность страны на мировом рынке технологий. Предыдущий опыт создания малых инновационных предприятий показал неэффективность деятельности многих организаций. Требуется формирование понятийного аппарата для развития технологических компаний, закрепления системных мер поддержки таких организаций как субъектов малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: образовательные организации, коммерческие организации, хозяйственные общества, хозяйственные партнерства, трансфер технологии, технологические компании, стартап, малые инновационные предприятия.

Olga A. Serova, Vice-Rector for Education and International Activities, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Pskov State University, LL.D., Professor

Technology Companies as an Element of the Entrepreneurial Ecosystem of Universities

The current direction of state policy in the field of higher education is the creation of small innovative enterprises, startups at universities. They should become an essential element of the system of technological entrepreneurship and ensure the country's competitiveness in the global technology market. The previous experience of creating small innovative enterprises has shown the inefficiency of the activities of many organizations. It is required to form a conceptual apparatus for the development of technology companies, consolidation of systemic measures to support such organizations as small and medium-sized businesses.

Keywords: educational organizations, commercial organizations, business companies, business partnerships, technology transfer, technology companies, startup, small innovative enterprises.

Самойлов И.А.

«Власть капитала» и «власть договора» в коммерческих корпорациях в «креативной» экономике

В современной «креативной» экономике (в отличие от классической, «индустриальной») «власть капитала» не может доминировать. Необходимо нахождение компромиссного, «договорного» варианта реализации властных полномочий владельца капитала и владельца идеи. Автор анализирует соответствие положений современного российского законодательства, регулирующего деятельность юридических лиц — коммерческих корпораций, потребностям формирования «договорных» способов влияния на принимаемые решения участников корпораций по реализации инновационных проектов.

Ключевые слова: юридические лица, коммерческие корпорации, хозяйственные общества, хозяйственные партнерства, управление.

Ilya A. Samoylov, Associate Professor of the Department of Entrepreneurial, Labor and Corporate Law of the Law Faculty of M. M. Speranskiy of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The Power of Capital and the Power of an Agreement in Commercial Corporations in Creative Economy

In the modern “creative” economy (in contrast to the classical, “industrial”, “the power of capital” cannot dominate. It is necessary to find a compromise, “contractual” option for the implementation of the powers of the owner of capital and the owner of the idea. The author analyzes the compliance of the provisions of modern Russian legislation regulating activities legal entities — commercial corporations, the need for the formation of “contractual” methods of influencing the decisions made by members of corporations about the implementation of innovative projects.

Keywords: legal entities, commercial corporations, business companies, business partnerships, management.

Коваленко Ю.Н.

Развитие альтернативных форм проведения общих собраний собственников

В настоящей статье анализируются существующие формы проведения общих собраний собственников, а также проводится концептуальное отличие понятий «формы проведения собрания» и «формы голосования». Автор обосновывает вывод о необходимости развития альтернативных (заочных, смешанных, с использованием технологий дистанционного участия) форм проведения общих собраний собственников в изменяющихся условиях современного мира.

Ключевые слова: решение собрания, формы проведения собрания, формы голосования, дистанционное участие в собрании.

Yulia N. Kovalenko, Postgraduate Student of the Department of Civil Law of the Law Institute of the Irkutsk State University

The Development of Alternative Forms of General Meetings of Co-Owners

This article analyzes the existing forms of holding general meetings of co-owners and also makes a conceptual difference between the concepts of “forms of holding a meeting” and “forms of voting”. The author substantiates the conclusion of necessity of developing alternative (correspondenced, mixed, used remote participation technologies) forms of holding general meetings of co-owners in changing conditions of the modern world.

Keywords: decision of the meeting, forms of holding the meeting, forms of voting, remote participation in the meeting.

Васюгин В.А.

Порядок использования технологии искусственного интеллекта для снижения отдельных видов предпринимательских рисков

Статья посвящена вопросам использования искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности для снижения деловых рисков. Автор отмечает, что эта технология дает возможность не только повысить получение прибыли, но и оптимизировать множество процессов, которые позволяют экономить большое количество ресурсов. Снижение рисков при осуществлении предпринимательской деятельности, в свою очередь, способствует повышению ее эффективности, что положительно сказывается на состоянии экономики государства. Таким образом, автором делается попытка обосновать необходимость использования технологии искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности и предложить возможные механизмы его эффективной реализации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, деловые риски, предпринимательская деятельность, ноу-хау, информационные технологии.

Vladimir A. Vasyutin, Paralegal at Yust Limited Liability Company

The Use of the Artificial Intelligence Technology to Mitigate Some Entrepreneurial Risk Types

The article is devoted to the use of artificial intelligence in business to reduce business risks. The author notes that this technology allows not only to increase profit, but also to optimize many processes that save a large amount of resources. Reducing risks in the implementation of entrepreneurial activity, in turn, contributes to an increase in its efficiency, which has a positive effect on the state of the state's economy. Thus, the author makes an attempt to substantiate the need to use artificial intelligence technology in entrepreneurial activity and to propose possible mechanisms for its effective implementation.

Keywords: artificial intelligence, business risks, entrepreneurship, know-how, information technology.

Барков А.В., Завьялов М.М.

Правовая синергия государственно-частного партнерства и EPCM-контракта в нефтегазовой отрасли как фактор эффективного пространственного развития территорий

В статье проанализирован механизм правовой синергии государственно-частного партнерства (ГЧП) и EPCM-контракта в нефтегазовой отрасли в аспекте его влияния на обеспечение эффективного пространственного развития территорий. В условиях мировой турбулентности пространственное развитие территорий приобретает функциональное значение для национальной безопасности Российской Федерации. Действующий механизм ГЧП не позволяет достигать оптимального социально-экономического эффекта от вложенных инвестиций и нуждается в совершенствовании. Публикация отражает авторское видение имплементации правового обычая и норм гражданского права в механизм ГЧП для стимулирования экологической модернизации производства в нефтегазовой отрасли. Предложенная модернизация позволит обеспечить устойчивые темпы экономического роста, оказать благоприятное воздействие на экономическое благосостояние домохозяйств, бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, повысить социально-экономический эффект от реализации ГЧП-проектов.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, пространственное развитие территорий, инжиниринг, проектирование, строительство, менеджмент.

Aleksey V. Barkov, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Operations of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, LL.D., Professor

Mikhail M. Zavyalov, Master of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Legal Synergy of a Public-Private Partnership and an EPCM Contract in the Oil and Gas Industry as a Factor of Efficient Spatial Development of Territories

The article analyzes the mechanism of legal synergy between public-private partnership (PPP) and an EPCM contract in the oil and gas industry in terms of its impact on ensuring the effective spatial development of territories. In the context of global turbulence, the spatial development of territories acquires a functional significance for the national security of the Russian Federation. The current PPP mechanism does not allow achieving the optimal socio-economic effect of the investment, and needs to be improved. The publication reflects the author's vision of the implementation of legal custom and civil law norms in the PPP mechanism to stimulate the environmental modernization of production in the oil and gas industry. The proposed modernization will ensure sustainable rates of economic growth, have a beneficial effect on the economic well-being of households, the budgets of the budgetary system of the Russian Federation, increase the social and economic effect of the implementation of PPP projects.

Keywords: public-private partnership, environmental well-being, spatial development of territories, engineering, design, construction, management.

Мохов А.А.

Потенциал саморегулирования в области обеспечения биологической безопасности

В статье поднимается проблема развития саморегулирования в области обеспечения биологической безопасности. На взгляд автора, имеющийся потенциал саморегулирования может быть использован и в сферах деятельности, где вопрос обеспечения биологической безопасности стоит довольно остро. В числе основных аргументов, высказываемых в поддержку авторской позиции, называются: наличие потребности в сочетании государственного регулирования и саморегулирования в сферах высокого риска, областях, где «человеческий фактор» является решающим; более эффективное решение управленческих и иных задач именно за счет сочетания механизмов государственного регулирования и саморегулирования; разнообразие областей, сфер, видов деятельности, следовательно, требований; возможность развития саморегулирования на основе имеющихся правовых принципов и дозволений; высокое предупредительное значение норм как о юридической, так и иных видах ответственности (включая этическую); новейшие зарубежные разработки (Кодекс поведения для ученых); зарубежный опыт саморегулирования.

Ключевые слова: научная и инновационная деятельность, биология, биомедицина, биологические риски, биологическая безопасность, саморегулирование в науке и инновационном бизнесе, этика, право, законодательство.

Aleksandr A. Mokhov, Head of the Department of Medical Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), LL.D., Professor

The Potential of Self-Regulation in Ensuring Biological Security

The article raises the problem of the development of self-regulation in the field of biological safety. In the author's opinion, the existing potential of self-regulation can also be used in areas of activity where the issue of ensuring biological safety is quite acute. Among the main arguments expressed in support of the author's position are: the need for a combination of state regulation and self-regulation in high-risk areas, areas where the "human factor" is decisive; a more effective solution of managerial and other tasks precisely through a combination of mechanisms of state regulation and self-regulation; a variety of areas, spheres, types of activities, consequently, requirements; the possibility of developing self-regulation based on existing legal principles and permits; high preventive value of both norms on legal and other types of responsibility (including ethical); the latest foreign.

Keywords: scientific and innovative activity, biology, biomedicine, biological risks, biological safety, self-regulation in science and innovative business, ethics, law, legislation.